

Наталья Александрова

Не заглядывай в пустоту

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Не заглядывай в пустоту

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Не заглядывай в пустоту / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ», 2019 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-117058-5

Лукрецию Борджиа изображали великие художники, ее красотой восхищались поэты, но в историю внебрачная дочь папы римского вошла как символ коварства, жестокости и распутства. Кем она была – роковой женщиной, перед чьим взглядом не устоит ни один мужчина, или послушной куклой, которую отец и брат использовали для достижения своих целей? По легенде, Лукреция владела необычным зеркалом, которое показывало будущее и давало советы своему владельцу. Именно оно однажды спасло Лукреции жизнь. Со временем серебряное зеркало работы венецианского мастера стало семейной реликвией, передающейся из поколения в поколение по женской линии. В наши дни владелицей артефакта становится Людмила – дочь богатого предпринимателя, недавно потерявшая мужа, умершего при странных обстоятельствах. Скромная, безынициативная, всю жизнь она подчинялась воле жестокого отца. Однако, заглянув однажды в зеркало, Людмила увидела в нем совсем иную женщину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117058-5

© Александрова Н. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Наталья Александрова

Не заглядывай в пустоту

© Н. Александрова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

– Водки у нас нет, – с бесконечным терпением повторила стюардесса. – И вообще, по нашим правилам пить в полете запрещено.

– А мне на ваши правила наплевать! – орал рыжий мужик с необхватной шеей и багровым лицом. – Вы нас по жизни должны французским коньяком поить, после того как отдых испоганили!

– Мы тут ни при чем, – терпеливо повторила стюардесса и перешла к ожидавшей ее женщине с ребенком.

– Нет, ты не уходи! – Красномордый мужик попытался схватить стюардессу за руку, но та увернулась. – Я с тобой еще не разобрался! Мало того что этот спиногрыз меня всю дорогу своими криками достает, так теперь ему все внимание!.. Я за что деньги заплатил? Немалые, между прочим, деньги!

– Угомонись, мужик! – подал голос до сих пор дремавший худощавый мужчина в льняном пиджаке. – Угомонись, и без тебя тошно!

– Ты еще будешь меня учить? – вызверился на него красномордый, обрадовавшись новому развлечению. – Да я тебя, червяк дождевой, сейчас по стенке размажу!

Он тяжело поднялся из своего кресла, шагнул через проход, наклонился, но худощавый, не глядя, ткнул его кулаком в живот. Красномордый закашлялся, хватая ртом воздух, удивленно выпучил на обидчика глаза, попятился, плюхнулся в кресло и неожиданно заснул, открыв рот и время от времени всхрапывая.

Людмила тоже прикрыла глаза, перед ее внутренним взором побежали, словно кадры старой черно-белой кинохроники, события последнего месяца: внезапная смерть Антона, тяжелый разговор с отцом и братом, полет в Таиланд, уличные беспорядки...

Отец и брат отправили ее в Таиланд, убедив, что ей необходимо отдохнуть, справиться со стрессом после смерти мужа. Она не хотела никуда лететь, все случилось так неожиданно, она ничего толком не осознала. И прилично ли вдове так быстро начать радоваться жизни?

«Ерунда, – сказал на это отец, – какая разница, где ты проведешь это время? И не спорь, так будет лучше для тебя».

Он всегда мог если не убедить, то заставить ее. Хотя она никогда с отцом не спорила, с ним вообще никто не спорил, он всегда был прав. Брат отваживался возражать ему только наедине. Но Людмила никогда не вникала в суть их споров, они ее не допускали до решения деловых вопросов.

Людмила удивилась только, что в этот раз они отпустили ее одну. Это было не в правилах, которые твердо установил отец: она нигде не должна была появляться одна.

«Мы слишком на виду, – говорил он, – я и моя семья. Ни к чему провоцировать журналистов и разных прощелыг. Ты красива и абсолютно не разбираешься в людях, не хватало еще, чтобы тебя охмурил какой-нибудь авантюрист».

Брат в таких случаях выражался более резко, он вообще не следил за своей речью. Иногда Людмилу просто коробило от этого.

В загородный дом, в салоны красоты и по магазинам она ездила на машине с водителем, на курорт – только с мужем. Изредка появлялась какая-нибудь женщина вроде компаньонки, чтобы сопровождать куда-нибудь, если Антона призывали дела. Но после того как одна из них оказалась журналисткой и написала в Интернете, как она отдыхала на курорте в обществе сильных мира сего, отец распорядился никого не брать со стороны.

Отдых ее начался плохо: не успела Людмила прилететь в Таиланд, как там начались беспорядки.

Сперва на всех углах собирались маленькие группки местных. Они о чем-то разговаривали, бурно жестикулируя, перебивая друг друга. Потом эти группки стали сливаться в большие группы, как капли дождя сливаются в лужицы, потом они соединились в одну огромную бурлящую толпу. Над этой толпой возникли разноцветные флаги, чаще – красно-зеленые, и плакаты с непонятными надписями, среди демонстрантов появились многочисленные смуглые люди с красно-зелеными головными повязками. Потом в руках демонстрантов обнаружались палки и булыжники, с жалобным звоном начали разбиваться витрины сувенирных лавок и магазинчиков.

Отель, в котором поселилась Людмила, был не дорогой, а очень дорогой, и на первых порах беспорядки ничуть не беспокоили его обитателей. Обслуживание оставалось по-прежнему безупречным, кухня – отменной, и пятен на солнце не предвиделось. Однако на второй день половина официантов и горничных куда-то пропала, а оставшиеся стали невнимательными и нерасторопными.

На третий день беспорядков обитателей отеля предупредили, что выходить на улицы небезопасно, что лучше вообще не покидать территорию отеля. Но потом в разных концах города начались пожары, и администрация объявила, что всех клиентов в ближайшие два дня эвакуируют из страны, пока восставшие еще не захватили аэропорт.

Людмила поспешно покидала вещи в чемодан и села в автобус, который ждал на площадке возле отеля.

Где бы ни появлялась Людмила, вокруг нее тут же начинали сновать возбужденные мужчины. Она к этому привыкла и пыталась не обращать внимания, как на досадную мелочь, – ну, живут же люди с плохим от природы зрением, приноровились, очки носят. Или, к примеру, кто-то высоты боится – тоже привык, терпит, на гору не лезет. А ей вот досталась от природы красота. И на красоту эту летят мужчины, как мотыльки к свету, ничего тут не сделаешь.

Даже здесь, возле автобуса, в суете эвакуации, двое или трое чуть не подрались за право поднести ее чемодан и найти ей самое лучшее место.

Однако, когда автобус высадил их в аэропорту, они погрузились в атмосферу хаоса и паники. Огромное здание аэропорта было переполнено, люди металась с безумными глазами, плакали дети, на табло мелькали какие-то бессмысленные слова и цифры. Людмилины поклонники тут же утратили к ней интерес, у них сделались такие же безумные глаза, они замесались в поисках какой-нибудь информации.

Людмила с трудом выбралась из толпы, нашла тихий уголок и села там на чемодан, ни на что не надеясь.

И вдруг рядом с ней оказался симпатичный русский летчик, который по неуловимым признакам узнал в ней соотечественницу и помог сесть на самолет.

Правда, первого класса в этом самолете не имелось, и вообще неизвестно было, куда он летит, но на такие мелочи уже никто не обращал внимания: главное, на нем можно было улететь из хаоса и страха бунтующей, ломающей устои страны.

Кроме того, самолет был российский, и летел он в Россию – а что еще нужно людям, чудом спасшимся из самого пекла сиамского бунта, такого же бессмысленного и беспощадного, как всякий другой?

Правда, как только самолет оторвался от земли, в нем началась такая же склочная и скандальная жизнь, как в любом другом дальнем рейсе: кто-то ссорился, кто-то качал права, кто-то требовал выпивки...

– Уважаемые пассажиры, – раздался в динамиках уверенный мужской голос, – просьба занять свои места и пристегнуть ремни. Через сорок минут мы совершим посадку в аэропорту Ангарска.

– Почему Ангарск? – снова заголосил красномордый мужик. – Что мы там забыли, в этом Ангарске? Был я там в девяносто пятом году. Дыра дырой, гостиницы нормальной и то нет...

Он поймал за рукав проходившую мимо стюардессу и завелся:

– Вы че, в натуре! С какого перепугу в этот Ангарск садитесь? Мне ваще в Ма-аскву надо!

– До Москвы у нас не хватает горючего, – с немислимым терпением ответила стюардесса. – Другие города не принимают, принимает только Ангарск...

– Горючего? – Красномордый опять набирал обороты. – Вы что же, как следует не заправились? Я за что деньги плачу?

– Вы забыли, что творилось в аэропорту? Удивительно, что нам вообще удалось вылететь!

– Памятник вам за это, что ли, поставить? – не унимался мужик, но стюардесса ловко вывернулась и пошла дальше. Тут самолет сильно трянуло, и скандальный мужик снова затих.

Самолет быстро снижался. Людмила выглянула в иллюминатор. Внизу горели редкие огни, в одном месте их скопление обозначало центр города. Цепочки движущихся огней отмечали дороги.

Самолет приземлился, пассажиры вышли на летное поле. Никакого автобуса, конечно, не было, и все потянулись к зданию аэропорта под противным морозящим дождем, переходящим в снег. Людмила застегнула легкую курточку, зябко передернула плечами: было холодно, а теплых вещей она с собой не брала.

Автобусов долго не было, наконец пришел один – обшарпанный и холодный, люди набились в него, как в час пик, чуть ли не на подножках висели. Водитель орал в микрофон, что с открытой дверью не поедет и что сейчас лично выбросит тех, кто не дает закрыть двери. Ребенок проснулся и заорал с новой силой, водитель наконец тронулся с места, причем пару раз резко затормозил, чтобы утрамбовать пассажиров.

За окнами автобуса потянулись маленькие хмурые домики с мокрыми палисадниками, потом – унылые кварталы одинаковых хрущевских пятиэтажек.

Автобус остановился так резко, что Людмила едва успела схватиться за поручень.

– Приехали, граждане, конечная остановка, дальше некуда! – объявил водитель.

– Типун тебе на язык! – огрызнулась толстая тетка в цветастой кофте. – Везешь людей хуже, чем дрова!

– Ничего, не все вам по курортам разъезжать, на песочке загорать, поглядите, как мы живем, может, совесть проснется! – рыкнул водитель в ответ.

Из открытой двери повеяло холодом. Людмила вздрогнула и запахнула тонкую курточку. Кто берет с собой на курорт теплые вещи? Она-то думала, что долетит до Петербурга, а там пройдет через вип-зал и водитель подгонит машину прямо к выходу. Даже приятно пробежать в босоножках три шага по холоду, чтобы потом в салоне, пахнущем кожей, всем телом ощутить благодатное тепло. И попросить водителя включить тихую музыку, и сидеть в полудреме, лениво наблюдая, как за окном машины пробегают освещенные ночные улицы...

– Что встала? Шевели ластами! – Красномордый мужик, что всю дорогу скандалил в самолете, больно ткнул ее сумкой.

Людмила подхватила свой не слишком набитый чемодан и двинулась следом. Ноги мерзли невыносимо. Хоть бы колготки догадалась взять, идиотка несчастная!

Трехзвездочный отель, как обещали в аэропорту, оказался двухэтажной бетонной коробкой с темными окнами. Горел только фонарь у входа, и то вполнакала.

Толкаясь и обгоняя друг друга, пассажиры бежали к дверям. По ногам мела самая настоящая поземка.

«Снег... – удивилась Людмила, – не может быть... Хотя сейчас конец октября, тут скоро наступит зима...»

Холл гостиницы был крошечным, а люди все прибывали и прибывали. Администратор, полная, с мелкозавитыми соломенными кудряшками, в бордовом форменном пиджаке, кричала визгливым голосом:

– Нету мест, нету, ну куда я вас положу, куда?

Красномордый неугомонный дядька и тут ввязался в скандал. Плакал ребенок, люди были злые и усталые после трудного полета. Внезапно Людмиле показалось, что комната задвигалась, пол и потолок поменялись местами, сердитые лица замелькали перед глазами, уши как будто заложило ватой, она замахала руками, пытаясь найти опору, уцепиться хотя бы за что-нибудь, чтобы не упасть на пол, потому что тогда уже будет не встать, толпа затопчет насмерть...

Опоры она не нашла, потому что толпа шарахнулась от нее, и даже в таком небольшом холле образовалось вокруг Людмилы пустое пространство. Она непременно упала бы на пол, она уже видела, как приближаются каменные плитки с грязными разводами, как вдруг сухая, но сильная рука удержала ее.

– Ну-ну... – сказал совсем рядом тихий голос, – не надо этого. Не ко времени вы в обморок падать наладились...

Людмила потрясла головой. Вату из ушей выгасили, теперь был слышен ровный гул, как будто она сидит на берегу моря. Лица перестали мелькать перед глазами, осталось одно лицо – внимательное и встревоженное.

Ее держала за руку немолодая женщина, высокая и худощавая. Волосы ее были забраны сзади в большой узел, глаза смотрели участливо и спокойно. Женщина была одета в темно-красный пиджак, такой же, как на администраторше, только на той он сидел как на корове седло, а на этой – как будто был сшит специально на заказ в дорогом престижном ателье у портнихи, к которой запись на полгода вперед.

– Вам нужно присесть... – заговорила женщина, и тут голос ее прервался, глаза удивленно расширились, рука, поддерживающая Людмилу, задрожала.

– Л-лида?.. – едва выговорила она непослушными, помертвевшими губами. – Лидуся?

– Вы ошиблись. – Людмила мягко, но настойчиво выдернула свою руку и повернулась, чтобы уйти.

Отец всегда говорил, что с такими людьми надо вести себя твердо.

«Ты не только красивая богатая женщина, – говорил он, – но еще и дочь публичного человека, облеченного властью. Поэтому всегда найдутся люди, которым от тебя что-то надо. Денег, иной помощи – похлопотать, выслушать, помочь с квартирой, устроить дочку в институт, отмазать сына от армии, напечатать графоманские стихи в толстом журнале. Простые люди думают, что ты, вернее я – все могу. Им не приходит в голову, что я-то могу, но не хочу этого делать. А которые чуть поумнее, те действуют более хитро. Ясно, что с незнакомцами ты разговаривать не станешь. Так они придумывают какую-то связь – дескать, когда-то вместе учились в школе, ходили в детский сад, жили в одном дворе. Им кажется, что знакомому трудно отказать. Вот и пользуются любым случаем – ах, привет, ты Люся? А помнишь Таню Иванову, с которой в десять лет на море отдыхала? Так это я... Всегда найдется какая-нибудь Иванова или Петрова... А если не прошло – ах, извините, обозналась, за другую Люсю вас приняла... Значит, выход только один – нет, вежливое, но твердое. Никого не помню, вы ошиблись, разрешите пройти...»

«И вообще я не Люся», – смеялась в таких случаях Людмила, но отец смотрел строго, он вообще человек серьезный, улыбается редко.

– Вы ошиблись, – повторила Людмила и сделала шаг в сторону.

Точнее, только хотела сделать. Но ничего не вышло, потому что вокруг стояли люди и буквально дышали ей в лицо. Странное дело, только что, когда ей стало плохо, вокруг мигом образовалась пустота, так что она вполне могла бы хлопнуться на грязный пол, а теперь в холле буквально яблоку негде было упасть.

– Пойдите... – снова сказала женщина, – вы так похожи... Такого просто не может быть! Как звали вашу мать?

Людмила вздрогнула – при чем здесь мама? Что нужно от нее этой странной женщине?

Непрерывный шум прибоа в ушах наконец утих, Людмила взглянула на женщину в упор. Та тоже пришла в себя от удивления и смотрела теперь спокойно.

– Девочка... – сказала она тихо, и Людмила не успела возмутиться таким обращением, – дорогая моя девочка... Твою мать звали Лидия, не так ли? И она умерла очень давно, при родах...

– Откуда вы знаете? – против воли спросила Людмила, хотя буквально воочию видела перед собой гневное лицо отца – сколько раз он твердил, чтобы не вступала ни в какие разговоры. Ни с кем и никогда.

Но эта женщина смотрела так проникательно. Так... ласково. Никто никогда не смотрел так на Людмилу. Отец всегда глядел строго, даже в детстве, брат – насмешливо, высокомерно, муж – восхищенно и одобрительно, хороша, мол, как всегда. Но никто не смотрел ласково.

– Тебя зовут Людмила, так? – требовательно спросила женщина. – А фамилия? Как твоя фамилия?

– Соловьева, Людмила Соловьева.

Это была ее девичья фамилия, отец настоял, чтобы она не меняла ее в связи с замужеством, как будто знал, что долго оно не продлится. Так было и с Димкой, и с Антоном.

– Все сходится. – Женщина крепко взяла ее за руку. – Пойдем, нам надо поговорить.

Людмила позволила провести себя через толпу к стойке.

– Я ухожу, – сказала женщина потной встрепанной администраторше, – уже полторы смены отработала.

– Ах, идите, конечно, идите! – отмахнулась та. – Все равно ничего уже не сделать. Селить их некуда, пускай вповалку на полу спят.

– Куда вы меня ведете? – Людмила очнулась от ступора только у входной двери.

– Я живу тут рядом. До утра никаких самолетов не будет, да и утром вряд ли. Метель ожидается, и вообще.

Отцовский голос в голове Людмилы грозно говорил, чтобы немедленно отделалась от подозрительной незнакомки. Но что ее ожидает здесь, в этой гнусной гостинице? Ночь, проведенная на грязном полу. И наверняка привяжется какой-нибудь тип. Или уведут чемодан. Господи, она же должна позвонить отцу! Он все устроит.

Людмила нашарила в кармане курточки мобильник. Она отключила его в самолете. Людмила торопливо нажимала кнопки, но мобильник был глух. Так и есть: разрядился. А зарядку она оставила в номере, ну да, совершенно о ней забыла, и немудрено в такой суматохе.

Людмила оглянулась на стойку, возле которой творилось уже форменное безобразие. Снова скандалил тот самый красномордый мужик, ему вторила визгливая тетка в цветастой кофте. По-прежнему орал ребенок, переходя уже в ультразвуковой диапазон. Нет, позвонить ей здесь точно не удастся. Ладно, придется рисковать. Может быть, у этой женщины есть телефон?

Ее спутница уже была в далеко не новом пальтеце и протягивала Людмиле серый пуховый платок.

– Накинь, застынешь совсем!

На улице появились уже мелкие сугробы. Людмила ступала прямо по ним, и ноги в босоножках ничего не чувствовали. Идти оказалось и правда близко, они обошли гостиницу, свер-

нули в проход между домами, пролезли через дырку в дощатом заборе, Людмила не запомнила направление, зная, что в темноте все равно ни за что не найдет дорогу назад. Брат с детства утверждал, что у нее топографический кретинизм, отец соглашался, что она в трех соснах заблудится, ну и ничего, она не пропадет. Кому надо, маршрут для нее определяют, доведут, доведут и ему доложат, что с дочкой все в порядке.

При отце Людмила всегда чувствовала себя маленькой неразумной девочкой.

– Пришли! – Женщина остановилась возле длинного двухэтажного дома.

Над единственным подъездом горела тусклая лампочка в проволочном каркасе. Женщина отперла дверь своим ключом, и они оказались в длинном, уходящем в обе стороны коридоре. Пахло щами и застарелым табаком.

– Витька, паразит, дверью не хлопай, у меня штукатурка сыплется! – тотчас заворчал хриплый голос из-за крайней двери.

Женщина поднесла палец к губам и осторожно прикрыла дверь. Однако обладательница хриплого голоса не угомонилась. Она возникла на пороге в длинной ночной рубашке и войлочных тапках примерно сорок пятого размера, как лыжи. Седые космы свисали по бокам морщинистого лица. Людмила невольно отшатнулась – до того старуха напоминала ведьму из сказки.

– Ты, что ли, Аглая? – прошамкала она.

– Я, со смены, раньше никак не отпускали. – Женщина схватила Людмилу за руку и поскорее проскочила мимо старухи.

Коридор был длинный и узкий, весь завешанный какими-то тазами и заставленный допотопными сундуками и баулами. Такое Людмила видела только в старых фильмах.

Ловко лавируя между ломаной, ни на что не годной мебелью и тюками, женщина протаскала Людмилу на буксире в дальний конец коридора и открыла дверь, безошибочно попав ключом в замочную скважину, хотя в коридоре не горела ни одна лампочка и свет давал только уличный фонарь, заглядывающий в маленькое оконце, и то наполовину закрытое фанерой.

Тщательно заперев за собой дверь, женщина пошарила по стене, и вспыхнул свет. Людмила думала, что попала в квартиру, но это было не так. Не было прихожей, не было кухни, была сразу комната. Большая, заставленная разномастной мебелью. Посредине – большой стол, над ним низко – самодельный бумажный абажур. У стены диван, прикрытый полосатым вылинявшим пледом. Все в этой комнате было старое, но аккуратное.

– Садись. – Женщина подвинула Людмиле стул, сиденье которого было покрыто вязаной салфеткой. – На тебе лица нет.

Ступая на негнущихся ногах, Людмила села и почувствовала, что дрожит. Тут только женщина увидела, что она в босоножках ступала прямо по снегу.

– Господи, да ты же заболеешь!

С этими словами она развила бешеную деятельность. Из-за бордовой занавески в углу появились электрический чайник и большой эмалированный таз, куда женщина налила теплую воду и велела Людмиле опустить туда ноги. Причем расстегнула босоножки сама, у Людмилы от холода руки не двигались.

– Сиди-сиди, – говорила женщина вяло сопротивляющейся Людмиле, – нужно прогреться, а то простуду схватишь. Мыслимое ли дело – босиком по снегу!

Людмила расслабилась и отдалась ее заботам. Противная дрожь ушла, по телу от ног распространилось приятное тепло. Кажется, она задремала, потому что очнулась на диване. На ней был байковый халат, поношенный, но чистый, на ногах – шерстяные носки.

– Держи-ка! – Хозяйка подала ей большую кружку. Пахнуло чем-то неуловимо знакомым, из детства.

– Что это?

– Чай с малиновым вареньем. Сейчас выпьешь, пропотеешь – на завтра все как рукой снимет.

– Спасибо... – Людмила жадно глотнула из кружки и закашлялась, обжегшись.

Сонливость ее моментально прошла, было тепло и приятно сидеть в этой уютной светлой комнате и смотреть на гостеприимную хозяйку. Та сняла свой бордовый форменный пиджак и осталась в простой белой блузке и длинной прямой юбке, которая сидела на ней отлично. Женщина была худа, но двигалась плавно, и спина ее была прямой, несмотря на годы.

– Зовут меня Аглая Васильевна, – сказала она, усевшись рядом с Людмилой, – фамилия Колодина. И тебе я прихожусь родной теткой. Твоя мама, Лидия, была моей сестрой.

– Как же так... – Людмила растерялась, – я никогда не слышала о вас...

– Но ведь девичья фамилия твоей матери была Колодина, не так ли? – Аглая Васильевна правильно угадала в голосе Людмилы нотки затаенного недоверия.

– Я... я не знаю... – Людмила почувствовала, как в лицо бросилась краска стыда. А может, это от малинового варенья?

Ей никто никогда не рассказывал о матери. То есть она знала, что мама умерла, рожая ее, Людмилу. И не было рядом никого, кто знал бы ее, кроме отца. Но отец редко беседовал с дочкой на эту тему. Маленькая Людочка пару раз задавала вопросы, но папа всегда был так занят и вообще не расположен отвечать.

Ребенок быстро научился распознавать, когда отец недоволен. А потом интерес пропал, она ведь никогда не видела мамы, для нее это слово ничего не значило. Было несколько фотографий – парадная, свадебная, парочка любительских – того времени, когда мама ждала ее, Люду. И все, больше никаких сведений. Они слишком недолго были знакомы с отцом, чтобы мама оставила в его жизни большой след. Это Людмила поняла, уже будучи взрослой. Впрочем, она мало задумывалась на эту тему.

– Ты очень на нее похожа, – сказала Аглая Васильевна, достала с полки старый альбом в тисненном кожаном переплете. При виде потертой выцветшей кожи и стершейся позолоты у Людмилы в памяти всплыло забытое слово «сафьян».

Аглая вытащила одну фотографию и показала Людмиле.

– Это последняя, перед отъездом.

Две молодые женщины стоят под деревом, обнявшись. В одной, несомненно, можно узнать черты самой Аглаи Васильевны, другая – совсем молоденькая, почти девочка. Фотография черно-белая, но хорошего качества.

– Ну? Ведь одно же лицо... – вздохнула Аглая.

Ну да, эта девушка похожа на ее снимки – когда за Димку замуж выходила в восемнадцать лет, как раз такая была, волосы так же завязывала. Людмиле снова стало не по себе – она уже лет пять не видела маминих фотографий, засунула куда-то. А можно было бы сравнить перед зеркалом. Но отчего же отец не сказал ей, что она стала похожа на свою мать? Он забыл, поняла Людмила, он забыл свою жену, это было так давно. Отца сейчас интересуют другие вопросы.

– Она закончила школу в тот год, когда умерла наша мать, твоя бабушка, – заговорила Аглая Васильевна, – и поехала в Петербург учиться. А через два года вышла замуж за твоего отца. Они познакомились на каком-то торжественном мероприятии, которое он проводил у них в институте. Я его никогда не видела, но сестру он увлек сильно. Впрочем, она была так молода...

– Но на свадьбу ведь вы приезжали...

– Твой отец в то время был секретарем райкома. Тогда не было модно среди партийной элиты устраивать пышные празднества. Он был вдовец, с ребенком, гораздо старше Лидуси... А она такая красавица... Его руководство не слишком одобряло этот брак, поэтому все происходило тихо – расписались и поехали в пансионат отдохнуть... Через полтора года она умерла... Я хотела приехать, чтобы быть с ней до родов, но она написала, что не нужно этого делать, мол, все в порядке, ее записали в какой-то элитный роддом... там такие врачи... Ага,

все проверенные, коммунисты со стажем, а роды принять нормально не смогли! – с горечью выкрикнула вдруг Аглая Васильевна.

В этом крике Людмила расслышала всю боль многолетнего одиночества и призрака нищей старости, маячившей у порога. Она сама удивилась – никогда прежде о таком не думала, понятия не имела, как живут простые люди. Значит ли это, что они с этой пожилой женщиной и вправду родственники? Как-то не укладывается в голове...

– Извини... – глухо пробормотала Аглая Васильевна, – мне сообщили уже после похорон, когда я сама позвонила, мучаясь неизвестностью. От шока я заболела, а потом, через несколько недель, написала твоему отцу, что хотела бы помочь воспитывать малышку, ведь лучше же, если с ребенком будет родной человек... Твой отец так не считал. Он ответил мне – очень быстро и коротко. Мол, он в состоянии обеспечить своему ребенку самый лучший уход, у него нет недостатка в квалифицированном персонале, и он не собирается доверять своего ребенка постороннему, совершенно неизвестному человеку.

Людмила будто воочию увидела лицо отца, когда он писал эти строчки, – твердое и холодное. Хотя, возможно, и писал он не сам, секретарю продиктовал, чтобы более официально вышло.

– Только сейчас мне пришла в голову мысль – как это отец женился на девушке из обычной семьи? – заговорила Людмила. – Со мной и с братом было по-другому...

– Твоя мать была очень красива, должно быть, этим все объясняется, – ответила Аглая Васильевна, – а что касается обычной семьи... Видишь ли, мы не совсем обычная семья. Наша фамилия – Колодины – образовалась в свое время из итальянской фамилии Коллоди. Наш предок Андреа Коллоди во время Великой французской революции жил во Франции. Ему с семьей пришлось бежать, чтобы не попасть на гильотину. Тогда в Россию перебралось множество французов – и аристократов, и простых людей. Кто-то сделал на русской службе блестящую карьеру – в Одессе, например, до сих пор вспоминают французов де Рибаса и Ришелье, которые очень много сделали для города...

– Это в честь первого назвали Дерibasовскую улицу? – догадалась Людмила.

– Совершенно верно. – Аглая Васильевна улыбнулась. – Другие эмигранты устроились к русским дворянам гувернерами или учителями, как тот француз, который водил Евгения Онегина гулять в Летний сад. А наш предок поступил на военную службу, воевал с Наполеоном, вышел в отставку в чине капитана и стал небогатым тверским помещиком. Когда Наполеона окончательно свергли и отправили на остров Святой Елены, многие французы вернулись на родину, но наш прапрадед возвращаться не захотел: он женился на дочери соседа-помещика, обзавелся детьми и вскоре окончательно обрусел. Вот так и появилась в России семья небогатых помещиков Колодиных...

Людмила слушала Аглаю Васильевну, как будто учительницу на уроке истории. У нее никак не укладывалось в голове, что речь идет о людях, которые жили на свете – женились, воевали, спасались от войны и от болезней. Более того, о людях, которые имеют к ней, Людмиле, какое-то отношение. Аглая Васильевна говорила уверенно и спокойно, она-то не сомневалась, что так все и было.

– Откуда вы знаете? – не выдержала Людмила. – Вы говорите о таких далеких временах, а как будто видели все сами...

– Это история нашей семьи, – ответила Аглая, ничуть не смутившись, – ее передавали из поколения в поколение. Каждый человек должен знать о своих корнях. Вот смотри... – Она открыла первую страницу альбома, там на снимке женщина удивительной красоты сидела в кресле, держа на коленях ребенка.

– Это твоя прабабка с дочерью, – сказала Аглая, мягко проводя пальцами по снимку, – ты тоже на нее похожа...

Тонкий овал лица, резко очерченные скулы, большие глаза, длинная шея, особенно заметная из-за высоко поднятых волос. Младенец на коленях матери строго и серьезно смотрел в объектив.

– Прадед погиб в Гражданскую войну, их с бабушкой сослали сюда... – снова заговорила Аглая, – мы с твоей мамой сестры, от разных отцов. С первым мужем бабушка не успела зарегистрироваться, он утонул на лесосплаве. А потом она дала Лиде свою фамилию, чтобы мы с ней считались родными...

Людмила почувствовала вдруг ужасную усталость. Тяжелый перелет, холод, да еще встреча с теткой. Она просто не в состоянии вместить в себя сведения о стольких родственниках. Да и зачем? Они все давно умерли, она никогда их не узнает...

– Послушай, девочка, послушай, это очень важно... – Аглая Васильевна мягко, но решительно тронула ее за плечо, – вижу, что ты устала, но потерпи еще немножко.

Людмиле стало стыдно. Человек к ней со всей душой – привела к себе, обогрела, чаем напоила, а она не может даже выслушать, хотя бы из простой благодарности.

– Ты права, невозможно знать точно, что произошло в твоей семье в шестнадцатом веке, слишком много прошло времени, – продолжала Аглая Васильевна, – но существует легенда, что семья Коллоди – это побочная ветвь знаменитой семьи Борджиа. Ты ведь знаешь, кто они такие?

– Ну... – неуверенно ответила Людмила. – Лукреция Борджиа, она убивала своих любовников...

– Да... – Аглая скрыла улыбку, – прямо скажем, маловато... Судьба у нее была очень сложной, она была несвободна в своих поступках и решениях, ею руководили отец и брат. Много раз выдавали замуж, не спрашивая согласия, первый раз выдали в тринадцать лет. Ну, тогда это было в порядке вещей, Джульетте, как ты помнишь, было четырнадцать, Шекспир прямо пишет...

«Не помню», – подумала Людмила, но ничего не сказала.

– Известно, что была Лукреция очень красива: светлые волосы, удивительные зеленые глаза.

Людмила подняла голову – да это же ее описание – светловолосая женщина с удивительными зелеными глазами.

– Да-да, – кивнула Аглая и погладила ее по голове, – женщины в нашей семье похожи на Лукрецию. Не все, конечно, – поправилась она, – но одна в поколении обязательно такая же красавица. Так уж повелось, что имя им дают обязательно на «Л», отдавая дань памяти Лукреции. Твою прабабку – ту, что на снимке, звали Леокадией, бабушку – Ларисой, твою маму – Лидией, а тебя – Людмилой... Не могу сказать, что это приносит им счастье, хотя не знаю про тебя...

– Это случайно, так получилось случайно... – вставила Людмила.

– Как знать? – вздохнула тетка. – Ничего не бывает случайного в мире, все предопределено...

Людмила задумалась на мгновение.

С детства у нее было все, что она пожелает. Хотя, надо сказать, хотела она немногого. Была тиха и послушна, гувернантки, которых нанимал отец, всегда были ею довольны. Сколько себя помнит, не имелось у нее никаких особенных желаний. Потом отец послал ее в Англию, в закрытую школу, а когда вернулась, сразу же вышла замуж за Димку. Они познакомились на приеме, который отец давал в честь ее приезда. Он сам их и познакомил. Брат говорил, что какие-то дела у них были с Димкиным отцом, партнерство или еще какие-то деловые связи, Людмила совершенно не разбиралась в бизнесе. Тем более что отец не афишировал свои дела, формально он – председатель комитета по финансам в городском правительстве, то есть государственный служащий, ему, кажется, нельзя заниматься бизнесом... в общем, Людмила

ничего в этом не понимает и сейчас, а уж тогда-то, в восемнадцать лет, и вовсе об этом не думала.

Димка был симпатичный, улыбочивый, сразу ей понравился, она ему тоже. С ним было весело: он рассказывал забавные истории, таскал ее по модным клубам, знакомил с приятелями, которых у него было великое множество.

После сдержанной, суховатой Англии Людмиле ужасно нравилась такая жизнь, просто нескончаемый праздник. Тем более что отец всячески приветствовал их с Димкой общение.

Они ходили смотреть в зоопарке орангутанга по имени Моника. Моника была очень умной обезьяной, она рисовала и понимала человеческую речь. Они ночами носились по пустому городу в Димкиной открытой машине, они даже собирались прыгать с парашютом, но ее отец своевременно узнал об этом и запретил.

Они любили друг друга в крошечной однокомнатной квартирке, которую Димке уступил на время приятель. Димка жил с родителями в загородном доме, будущая свекровь принимала Людмилу до приторности любезно, но о том, чтобы остаться на ночь, не было и речи.

Они были молоды и бесшабашны, то, что происходило тогда между ними, казалось Людмиле любовью. Наверно, в тот короткий период она и была счастлива.

Отец сам заговорил с ней о свадьбе. Людмила слушала его с радостью. Было ужасно интересно – помолвка, выбор платья, ресторана, свадебного путешествия. Впрочем, отец почти все выбрал сам. Все, кроме платья. Платье они выбирали с тогдашней женой брата Аленой. Та все подсовывала Людмиле очень открытое, с пышной юбкой, у Людмилы не хватило духу отказаться. Потом на свадьбе она чувствовала себя голой, и свекровь все время поджимала губы.

После свадьбы ничего не изменилось. Они проводили время как раньше. Димка вроде бы где-то учился, но на занятия не ходил. Через несколько месяцев Людмиле надоело такое времяпрепровождение и она захотела учиться – все-таки что-то новенькое. Отец устроил ее на факультет международных отношений – там учились все дети городской элиты. Людмиле сокурсники не слишком нравились, парни оказывали слишком большое внимание, а она ведь считала себя замужней женщиной. Позже выяснилось, что ее муж не считал себя женатым человеком. Он не имел в виду ничего плохого, когда на вечеринках занимался легким, ни к чему не обязывающим сексом с девицами из тусовки, он просто не принимал всерьез свой брак.

Пару раз они крупно поругались, когда Людмиле стало известно про его похождения. Она даже пожаловалась отцу, но он только отмахнулся – не обращай внимания, не делай из мухи слона, сплетни не слушай.

Так продолжалось года полтора, а потом Димкин отец неожиданно умер от инфаркта. Димка очень переживал, и Людмила поддерживала его, как могла, ей даже показалось, что он вовсе не такой легкомысленный и у них что-то может получиться, но тут отец пришел как-то вечером и сказал ей, что с мужем нужно немедленно развестись, он ведет себя несерьезно, болтается по ночным клубам и изменяет ей с первыми встречными девками. Он, отец, не может допустить, чтобы его дочь позорил какой-то безответственный шалопай.

Людмила растерялась, тогда он сам строго сказал вошедшему Димке, чтобы собирал вещи и не являлся больше сюда. Димка пришел выпивши и тут же стал орать, что его с матерью обобрали компаньоны, что денег на счетах не оказалось, и договорился до того, что прямо обвинил в этом отца. Людмила, услышав такое, в ужасе закрыла глаза, всерьез ожидая, что сейчас грянет гром небесный, но отец только кивком пригласил Димку в кабинет и плотно закрыл дверь.

Димка вышел оттуда бледный как смерть и трезвый как стеклышко. Он посмотрел на Людмилу, хотел сказать что-то трясущимися губами, но не смог и только махнул рукой и ушел. Она застала его в спальне собирающим чемодан. Он обругал ее грубо, с ненавистью, так что Людмила заплакала от обиды.

– Но ты же правда мне изменял, ты сам виноват, так неужели мы не можем расстаться как порядочные люди? – говорила она сквозь слезы.

– Дура! – сказал он и посмотрел жалостливо и брезгливо, как на умалишенную. Больше они не встречались.

– Что притихла, о чем задумалась? – окликнула ее Аглая Васильевна.

– О счастье, – честно ответила Людмила.

– Ты замужем? Кольца на руке нету... – Аглая взяла ее руку.

Колеч не было никаких – ни обручального, ни с камнем. Отец убедил ее, что на курорте она будет глупо выглядеть в трауре. И тогда Людмила решила хотя бы не надевать никаких украшений.

– Уже нет... – Людмила наклонила голову, чтобы скрыть набежавшие слезы, потом уткнулась лицом в худое, но такое родное плечо тети Аглаи и рассказала ей все про смерть Антона и про то, что отец и брат буквально выпихнули ее в этот дурацкий Сиам, хотя ей совершенно не хотелось никуда лететь.

– Ничего. – Аглая Васильевна гладила ее по спине. – Все пройдет, все забудется... Ты молодая, еще найдешь свое счастье. Это судьба, что мы встретились, я уж и не надеялась... Послушай теперь меня, это очень важно. Мне нужно отдать тебе одну вещь...

Аглая Васильевна легко нагнулась и достала из-под кровати деревянный сундучок. Подняла крышку, и на Людмилу пахнуло смесью запахов – пряностей, ароматической соли, сухих цветочных лепестков. Даже голова немного закружилась. Аглая между тем достала небольшой холстинный сверток, осторожно развернула старую ткань и протянула Людмиле зеркало.

Небольшое, овальной формы ручное зеркало в серебряной оправе. Рама была резная, красивая, вилась вокруг самого зеркала диковинные растения, фигурные виноградные листья и цветы. Ручка – витая, очень удобная.

– Что это? – Людмила машинально взяла зеркало в руку, ей показалось, что ручка теплая.

В зеркале отражалось такое знакомое, ее собственное лицо. Ее ли? Кто эта красивая женщина?

Ей ли не знать свое лицо? Большие зеленые глаза, прямой нос, гладкая матовая кожа оттенка слоновой кости. Все это было в наличии. Так в чем же разница? Скулы чуть обтянулись, глаза блестят утомленно... да нет, все дело во взгляде. Сколько себя помнит, взгляд у Людмилы был рассеянный, почти сонный. В общем, ничего не выражающий взгляд. А тут...

– Красивая вещь... – Она повертела зеркало в руках и бережно протянула Аглае.

– Бери, это тебе, – сказала та.

– Что вы... – Людмила замахала руками. – Я не могу взять такой дорогой подарок...

– Бери, – твердо повторила тетка, – это не подарок, это твое. Семейная вещь, так уж повелось, что передается из поколения в поколение по женской линии. Передашь потом своей дочери. Ты пойми! – заговорила она громче. – Мне некому его отдать! Это просто чудо, что мы встретились! Хотя... судьба есть судьба. Все предопределено. Я старше твоей матери на двенадцать лет.

Людмила прикинула: мама родила ее в двадцать, ей было бы сейчас сорок шесть, плюс двенадцать... странно, по виду Аглая Васильевна кажется гораздо старше...

– Вот видишь, – горько улыбнулась тетка, – я все про свою болезнь знаю, мне уж недолго осталось... Теперь вот умру спокойно.

Людмила снова смотрела в зеркало. Показалось ей или нет, но лицо в зеркале вдруг приветливо кивнуло ей и проговорило, едва шевеля губами: «Бери!»

– Ой! – Она уронила зеркало на диван.

– Это очень старое зеркало, работа венецианского мастера. По семейной легенде, оно принадлежало Лукреции Борджиа...

«Опять сказки», – подумала Людмила.

Пастушок Джаннино проснулся от непривычного, незнакомого шума, который доносился из долины.

Джаннино пас овец на горном склоне, откуда открывался вид на море, прибрежные острова и маленький городок Синигалья. С другой стороны над пастбищем нависали мрачные скалы, высоко наверху горы были покрыты снегом.

Пастушок потянулся, оглядел свое маленькое стадо. Овцы тоже забеспокоились от незнакомых звуков, сбились теснее и испуганно заблеяли. Джаннино подбежал к краю поляны и заглянул в раскинувшуюся внизу долину.

Перед ним открылось удивительное зрелище.

Над морем поднималось солнце. Его ослепительный диск уже всплыл из воды, покрыв темно-зеленую морскую гладь золотыми и пурпурными переливами. У самого берега белели пенные буруны прибоя, набегая на каменистый пляж.

По узкой долине, пролегающей между морем и горами, медленно двигалось войско. Впереди шагом ехал многочисленный конный отряд, в лучах восходящего солнца ослепительно сверкали доспехи всадников, наконечники копий, развевались на ветру красные плюмажи. За этим отрядом шло множество пехотинцев в зеленых и коричневых камзолах, позади них – снова небольшая группа нарядно одетых всадников, среди которых выделялся один, на белом коне, в белом плаще и позолоченном шлеме с трехцветным плюмажем. Хотя расстояние не позволяло как следует разглядеть его, этот всадник показался пастушку величественным и прекрасным, как архангел Михаил на картине, которую Джаннино видел в приходской церкви.

Следом за этими всадниками ровным, величественным строем двигался еще один огромный отряд кавалеристов. Воины шли и шли по долине, и казалось, им не будет конца.

Джаннино подпрыгнул и закричал от переполнившего его душу восторга. Он никогда в жизни не видел ничего прекраснее, чем это войско, железной змеей ползущее между рассветным морем и горами в тяжелых снежных шапках.

В двух милях от Синигальи приближающееся войско встречали несколько всадников.

Впереди остальных находился мужчина средних лет с изможденным желтым лицом, в простой черной одежде и в черном плаще с зеленой подкладкой. Это был кондотьер Вителлоццо Вителли, некогда грозный военачальник, отряды которого наводили ужас на половину Италии. Когда-то давно он был мощным человеком, плотным и внушительным. Но потом Вителлоццо подхватил новомодную французскую болезнь, и эта болезнь, а еще больше – ломбардские лекари, которые лечили его ртутными пилюлями, сделали его тощим и слабосильным, как ходячий скелет. Однако в этом тощем теле еще сохранились прежние неукротимые энергия и воля, а лицо с крючковатым носом и тяжелыми веками выражало ум, хитрость и упорство.

Когда передовой отряд конницы выехал на поле, лицо Вителлоццо омрачилось, как будто на него набежало облако. Однако он не привык менять свои планы. Вителлоццо тронул поводья коня и медленно двинулся навстречу, как только заметил среди рядов кавалерии всадника в белом плаще.

Этот высокий мужчина с густыми рыжеватыми волосами и коротко подстриженной бородкой был одним из самых сильных и влиятельных людей в Италии – герцог Валентино, незаконный сын папы Александра VI Цезарь Борджиа. Вся его фигура, весь его облик дышали царственным величием, как будто он был прирожденным государем, а не незаконным сыном развратного священника.

Несколько лет назад Вителлоццо Вителли со своим отрядом состоял на службе у герцога Валентино. Но после нескольких вероломных поступков герцога Вителли и другие военачальники Цезаря Борджиа взбунтовались против него, увели свои отряды и последние годы наносили чувствительные удары своему бывшему повелителю. Герцог Валентино преследовал изменников по всей Северной Италии, но их бесстрашие и ловкость, а особенно звериное чутье Вителли помогали кондотьярам сохранять жизнь и владения.

Наконец около месяца назад они послали одного из своих предводителей, Паголо Орсини, на переговоры с Цезарем и подписали договор, по которому все прежние разногласия считались забытыми, военачальники возвращались под знамена герцога, а он обещал им полное прощение и выгодные условия службы.

И вот теперь кондотьяры обложили своими войсками город Синигалью. Город этот был небольшой, но богатый и очень удачно расположенный между морем и горной грядой. Городом правила вдовствующая сестра покойного герцога Урбино, но с приближением противника она с малолетним сыном покинула город и попросила убежища в Венеции. Сам город кондотьяры заняли без боя, но крепость, которую оборонял опытный генуэзский военачальник Андреа Дориа, не сдавалась. Генуэзец заявил осаждавшим, что отдаст ключи от крепости только самому герцогу Валентино.

Крепость была очень надежно защищена, ее оборонял сильный отряд швейцарских наемников, и ее захват стоил бы нападающим много времени и людей.

Тогда кондотьяры послали гонца к герцогу Валентино, прося его лично прибыть к стенам Синигальи.

И вот герцог с большим отрядом конницы и пехоты прибыл к осажденной крепости.

Вителлоццо Вителли медленно ехал навстречу герцогу, взглядом опытного военачальника окидывая его войско. Он прикинул, что в передовом отряде конницы, которым командовал Лодовико делла Мирандола, было примерно полторы тысячи человек, поделенных на сотни. Следом за ними шли не меньше тысячи гасконских и швейцарских наемников, и снова большой отряд кавалерии...

Кондотьяры знали, что герцог только что отпустил французских копейщиков, которые составляли самую грозную часть его армии. Поэтому они решили заманить герцога под стены Синигальи, чтобы захватить его и разделаться с бывшим повелителем. Тайно встретившись с командиром осажденного гарнизона Андреа Дориа, они заплатили ему, чтобы тот выставил непременным условием сдачи крепости присутствие самого герцога. Они никак не ожидали, что Цезарь так быстро соберет сильное войско.

Приблизившись к Цезарю, Вителли хотел спешиться, чтобы продемонстрировать свою покорность, но герцог остановил его, обнял как друга и поцеловал в щеку.

– Здравствуй, дружище! – проговорил он приветливо. – Давно же мы с тобой не виделись! Пора, пора забыть былые обиды! Мы вместе – огромная сила!

Чуть отстранившись, он оглядел Вителлоццо и добавил:

– Ты плохо выглядишь. Это все твоя проклятая болезнь! Хочешь, я дам тебе хорошего врача? Он вылечил одного из моих капитанов, вылечит и тебя...

В это время к ним подъехали еще двое кондотьеров – Паголо Орсини из знатного римского рода и его родственник герцог Гравино. Цезарь приветствовал их столь же сердечно, с любезностью, достойной их знатного происхождения, и спросил, где четвертый кондотьер – Оливеротто да Фермо.

Ему ответили, что Оливеротто, самый младший из четверых военачальников, ждет герцога в городе.

– Пусть присоединится к нам! – проговорил герцог и послал одного из своих приближенных за молодым кондотьером.

Тем временем вся нарядная, сверкающая латами и яркими одеждами кавалькада неторопливо двинулась к городу, к тому дворцу, который освободили для герцога и его свиты. Цезарь весело и непринужденно беседовал со своими спутниками, как будто между ними никогда не было вражды и разногласий. Он держался с ними легко и дружелюбно, не как с подчиненными, а как со старыми друзьями, рассказывал забавные истории и расспрашивал о родне.

Возле самых городских ворот к ним присоединился Оливеротто.

Все вместе они подъехали к дворцу, где предстояло поселиться Цезарю. Кондотьеры хотели покинуть герцога, чтобы он мог спокойно расположиться и отдохнуть с дороги, однако Цезарь попросил их войти с ним во дворец.

– У меня есть важные новости, которые вам следует незамедлительно узнать. Дело серьезное и не терпит отлагательств!

Вителлоццо Вителли еще больше помрачнел, но вместе с остальными кондотьерами вошел во дворец. Он решил, что от судьбы не уйдешь и нужно принимать ее с мужеством.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Цезарь извинился и сказал, что покинет остальных буквально на минуту, поскольку должен отдать дань природе.

Едва он вышел, на кондотьеров напали вооруженные солдаты.

Паголо Орсини почти не сопротивлялся, а Вителлоццо успел выхватить спрятанный под одеждой кинжал и сражался, как раненый лев. Однако силы были неравны, и через несколько минут всех кондотьеров схватили и обезоружили.

Из соседней комнаты вышел крупный человек с длинными волосатыми руками, сросшимися бровями и сломанным носом. Это был испанец дон Михеле по прозвищу Микелотто – приближенный герцога Валентино, который выполнял для него самые грязные и кровавые дела.

– Делай свое дело! – проговорил Вителли, глядя на убийцу. – Довершай предательство!

– Не тебе бы говорить о предательстве! – ответил испанец. – Мы знаем, что ты заплатил Андреа Дориа, чтобы заманить моего господина в ловушку.

Только генуэзец оказался хитрее тебя: он взял столько же денег с моего господина, и ты сам со своими дружками попал в свою собственную западню. Но ты прав: незачем попусту тратить время, пора делать то, ради чего я пришел...

С этими словами Микелотто одним ударом кинжала заколол Вителли и вторым – молодого Оливеротто да Фермо.

Паголо Орсини и герцога Гравино оставили в живых, чтобы не осложнять и без того сложные отношения папы Александра с их влиятельными родственниками.

Аглая Васильевна разбудила Людмилу, когда за окном только занимался серенький рассвет. Оказалось, что есть место в самолете, который вылетает через два с половиной часа, нужно торопиться.

– Я всю жизнь в этом городе прожила, – говорила тетка, собирая Людмилу, – так неужели у меня знакомых в аэропорту не найдется? Заболела кому надо словечко...

Она дала Людмиле теплые колготки и длинный вязаный свитер простой серой шерсти. Свитер ужасно кусался, пахло от него так же, как из сундучка, – пряностями, ароматической солью, сушеной лавандой и еще какими-то травами... Грел он как хорошая дубленка, так что Людмила и не почувствовала холода.

Их подвез теткин сосед на стареньком пикапчике – тот самый Витька, которого костерила старуха, проживающая у входа.

На регистрации Людмила не заметила знакомых лиц – самолет был самый обычный, летел из Ангарска в Петербург по расписанию, для Людмилы нашлось место, а те, кто летел из Сиамы, еще долго будут маяться в гостинице.

Тетка обняла ее прямо на улице перед входом.

– Прощай, дорогая моя девочка. Господи, до чего же ты на Лиду похожа!

Она развернулась и пошла прочь не оглядываясь – высокая худощавая женщина с очень прямой спиной. Глядя ей вслед, Людмила поняла, что больше они никогда не увидятся. На миг сердце сжалось, но некогда было расслабляться, она подумает обо всем потом, когда будет время. И задаст вопросы отцу.

«Задать-то я задам, – тут же горько усмехнулась Людмила, – да вот только захочет ли он ответить? Скорей всего, не захочет. Но я все равно задам».

Она отстояла долгую очередь на регистрацию в толпе хмурых молчаливых людей. Эти пассажиры не были похожи на вчерашних отдыхающих. Эти летели в Петербург по делу или навестить родственников. Или возвращались из командировки.

Самолет был маленький, тесный. Ни о каком бизнес-классе там и не слышали. Людмила была рада и тому, что место ее у окна – никто не будет беспокоить.

Соседкой ее оказалась женщина средних лет – коренастая, крепкая, в джинсах и свитере – не самовязаном, как невольно отметила Людмила, а приличной итальянской фирмы. Женщина поздоровалась, сразу же достала пухлый блокнот с Медным всадником на обложке и углубилась в записи. Людмила отметила машинально, что соседка, судя по блокноту, возвращается в Петербург, как и она сама, после чего закрыла глаза и затихла.

Самолет, как ни странно, взлетел точно по расписанию, и Людмила задремала после того, как в динамиках объявили, что можно расстегнуть ремни.

Она открыла глаза, когда запахло неаппетитной едой. Стюардесса с волосами ядовито-рыжего цвета развозила обед.

– Сосиски или котлеты? – спросила она, не глядя.

– Берите сосиски, – шепнула соседка, видя, что Людмила медлит с ответом, – котлеты у них из собачатины...

Людмила посмотрела на две серые сморщенные сосиски, лежавшие в пластиковом контейнере, на комок слипшихся, тоже серых макарон и поняла, что съесть это она не в состоянии. Неужели можно кормить людей такой гадостью?

Кажется, она сказала это вслух, потому что соседка оторвалась от своей порции и внимательно на нее посмотрела.

– Простите, – пробормотала Людмила, ожидая грубой отповеди – что, мол, увидишь теперь, как простые люди живут, барыня... и дальше неприличное слово.

Но женщина ничего не сказала, только усмехнулась и доела все, еще соус хлебом подобрала.

Принесли чай – безвкусный, пахнувший веником, но Людмила была рада выпить горячего. Ничего, скоро, всего через четыре часа, она будет дома. Прежде всего ванна, а потом... потом она попросит Анну Ивановну зажарить рыбу. И много-много зеленого салата, Анна Ивановна готовит удивительную заправку из сока лимона... И можно позволить себе к чаю кусок ватрушки. Ах, какая у Анны Ивановны ватрушка – с изюмом и цукатами, просто тает во рту!

Внезапно Людмила ощутила, что в голове ее происходит какое-то странное движение, как будто под черепной коробкой ворочается кто-то большой и противный. «Как он туда попал?» – успела подумать Людмила, и тут уши у нее заложило, как будто их плотно заткнули грязной ватой, а на лицо натянули маску. Воздуха не хватало, Людмила подняла руки к лицу, стараясь сдернуть маску, но руки почему-то не подчинялись ей...

Она пришла в себя от резкого запаха нашатыря. Соседка держала перед ее носом ватку. Людмила поморщилась и отвела ее руку.

– Ну-ну... – Соседка не обиделась и сильно потерла ее левое запястье. – Ну? Очухалась? – весело спросила она. – Не пугай нас...

Хотя было видно, что она-то ничуть не испугалась.

– Что со мной? – прохрипела Людмила.

– Обморок, это бывает от перемены давления... – сказала соседка. – Что сейчас чувствуешь? Голова болит? Тошнит?

Людмила на все вопросы мотала головой. У нее и правда ничего не болело.

Прибежала испуганная стюардесса со стаканом воды, от вида ее ядовито-рыжих волос Людмилу затрясло, и снова заложило уши, и показалось, что на лицо положили пыльную тряпку.

– Ох ты! – Соседка хлопнула ее по щеке и поднесла к губам стакан.

Вода была ледяной, и Людмиле стало немного легче. Соседка между тем посмотрела ей в глаза, велела высунуть язык, нажала какие-то точки за ухом.

– Не бойся, я врач, – сказала она, – вроде бы ничего такого... слушай, ты не беременна?

– Я? – удивилась Людмила. – Да я...

Она хотела сказать, что она вдова и, разумеется, не беременна, но против воли начала считать. Антон умер... еще месяца не прошло, послезавтра как раз будет. А у нее... было у нее что-то в этом месяце или нет? Со смертью Антона все мысли разбежались. А когда должно быть? Черт, календарик, где отмечено, она оставила дома. Может, в мобильнике есть? Ах да, он же отключен...

Во взгляде соседки промелькнуло удивление – ну, мол, и тетеха, не может простые вещи запомнить!

– Не думаю... – голос Людмилы звучал неуверенно, – я...

Антон болел недолго, всего дня два или три. А до того были ли они близки? Людмила с горечью осознала, что не помнит, когда же это было в последний раз. Муж был занят, приходил поздно, всегда чем-то озабочен. Она не спрашивала чем, знала, что он отмахнется, отговорится делами. А какими делами, ее и не интересовало. А что ее интересовало, чем она занималась? Да ничем, не вспомнить сейчас. Отец брал ее иногда на официальные приемы в качестве своей

дамы. С тех пор как умерла ее мать, у отца не было официальной жены. Людмила не очень любила бывать на приемах, но ей не приходило в голову отказывать отцу, это ни к чему бы не привело. Там она привычно выслушивала сдержанные комплименты от коллег отца, рассеянно улыбалась перед фотокамерами, выпивала бокал шампанского и все время искала взглядом отца – вот он кивнул, значит, можно уходить, водитель уже предупрежден и ждет у подъезда. Отец редко возвращался с ней вместе.

– Да с чего вы так решили? – Людмила поймала вопрошающий взгляд соседки.

– По некоторым признакам, – усмехнулась та, – но я могу и ошибаться. Возможно, просто перепад давления... Или переутомилась...

– Да-да. – Людмила рассказала про революцию в Сиаме и про свой неудачный отдых.

Они познакомились, соседку звали Верой, она работала хирургом в крупной клинике и летала в Ангарск в командировку. Они поболтали немножко, потом Вера сказала, что ей надо выспаться, потому что прямо с самолета она поедет в клинику, не может себе позволить пропустить день. Людмила почитала старый, затрепанный журнал и неожиданно для себя снова заснула.

Посадка прошла неплохо, командир корабля оказался мастером своего дела. Никто не встречал Людмилу, не провожал в вип-зал, не суетился рядом. Она попросила у Веры телефон и позвонила отцу.

– Михаил Николаевич проводит совещание, – сказала секретарь, – ой, Людмила Михайловна, это вы? Мы так за вас волновались! Я звоню-звоню...

– Передайте отцу, что со мной все в порядке! – неожиданно для себя Людмила резко прервала секретаршу. – Я скоро буду дома!

– Как поедешь? – спросила Вера, когда они вышли на улицу, где, как водится в Петербурге осенью, шел мелкий нудный дождь.

– Такси возьму. Вон предлагают недорого!

– С ума сошла! – Вера буквально вырвала Людмилину чемодан из рук какого-то мужичка с бегаящими глазами. – Сдерет семь шкур и довезет ли, еще неизвестно...

Они вызвали такси по телефону и подождали совсем немного.

– Не хотела брать машину, мне тут близко, да ладно уж...

– Я заплачу! – встрепенулась Людмила.

На прощанье Вера сунула Людмиле свою визитку – мало ли что понадобится.

– Ну, будь здорова, подруга! – Она сильно сжала Людмиле руку. – Тест купи и проверься на всякий случай!

«Быть не может, – отмахнулась Людмила, – с чего это вдруг?»

Они жили с Антоном почти три года, сразу после свадьбы отец сказал ей, чтобы с ребенком подождали, она еще молодая, успеется. А то начнутся пеленки-распашонки, оседет она дома, сначала с пузом, потом с ребенком, растолстеет, обабится...

Людмила не спорила – ждать так ждать, и правда успеется. Она привыкла, что отец все решает за нее. Врач выписал какие-то таблетки, их надо было пить регулярно, Людмила все время путалась и забывала, потом стала заметно поправляться, испугалась и бросила таблетки. Но никому не сказала.

И ничего не было почти год, но вообще-то у них с мужем секс был довольно редко, раза два-три в месяц. Или еще реже? Не вспомнить... Ей хватало, а вот хватало ли ему? Муж был очень занят, говорил, что его выматывает работа. Людмила не настаивала. И вот теперь вдруг беременность. Не может быть!

Такси остановилось против ворот, которые вели во двор. Их семья занимала целый этаж большого дома в центре города. Дом очень красивый, построенный известным архитектором в начале прошлого века, собственно, не дом, а целый ансамбль, включавший еще два флигеля

и большой двор. С последней, четвертой, стороны двор окружала глухая стена, да не из простого кирпича, а выложенная мозаикой. Во дворе были высажены маленькие елочки, цветники и стояли лавочки, на которых никто никогда не сидел – не те люди жили в доме, чтобы их бабушки посиживали на лавочках. Под двором был подземный гараж.

Конечно, был у Людмилиной семьи и загородный дом, но отец не любил там бывать зимой – утром, говорил, долго ехать на службу. Людмила тоже не большая любительница зимних развлечений – как-то мимо нее проходят все эти лыжи и сноуборды, не любит она холод и темноту, не радуют ее посиделки у камина. Изредка наезжал туда брат в чисто мужской компании, приглашали иногда и Антона. Что уж они там устраивали, Антон ей не рассказывал, только, вспоминая, морщился, как будто испытывал застарелую боль.

Ворота не шелохнулись, несмотря на то что водитель упорно сигналил, наконец открылась маленькая кованая калиточка, и вышел злой охранник.

– Ну чего ты встал тут? – напустился он на таксиста. – Порядков не знаешь? Вчера из аула приехал, забыл, какой это дом? Так я и буду пускать разных-всяких!

Лицо его было красным от злости, маленькие глазки утонули в толстых щеках.

– Сергей. – Людмила открыла окно со своей стороны. – Это я...

– Людмила Михайловна! – Голос сразу изменился, парень залебезил: – Простите, не видел вас. Не думал, что вы на такой машинешке... Сейчас открою!

Он побежал суетливо, обширный его зад при этом некрасиво трясся. Людмиле никогда не нравился этот охранник – толстый, неопрятный какой-то. При встрече преувеличенно лебезит, в глаза заглядывает, а все равно видно, что хам.

Машина въехала во двор и остановилась у самого подъезда. Водитель нехотя вытащил Людмилину чемодан и уехал, не поблагодарив за щедрые чаевые. Выскочил консьерж, подхватил чемодан и побежал вперед, распахивая перед ней все двери.

Анна Ивановна стояла на крыльце. При виде Людмилы она всплеснула руками, в глазах ее был самый настоящий ужас.

Людмила покосилась на себя в зеркало и усмехнулась. Да, здесь, в этом доме, самовязанный теткин свитер явно неуместен, она в нем выглядит как беженка.

– Людочка, милая, ну как же так? – Анна Ивановна так долго работала у отца, что иногда позволяла себе вольности.

– Все хорошо. – Людмила слабо улыбнулась. – Наконец-то я дома... дом, милый дом!

Этаж был разделен на три квартиры: самую лучшую – семь окон на проспект – занимал отец, справа были апартаменты брата, четыре или пять комнат, Людмила редко там бывала, ей было некомфортно в просторных полупустых помещениях. Брат жил там вдвоем со своей новой женой, она была актрисой, брат как раз спонсировал новый сериал, и она вечно пропадала на съемках и телевизионных тусовках, квартирой совершенно не занималась.

У них с Антоном квартира была меньше всех, всего три комнаты: спальня, кабинет Антона и маленькая гостиная. Они редко звали гостей, а уж если было нужно, пользовались общей столовой и холлом. Очень редко вся семья собиралась за общим столом.

Внезапно силы оставили Людмилу, она покачнулась и оперлась о стену.

– Ванну, – сказала она подбежавшей Анне Ивановне, – потом поесть чего-нибудь и лечь...

– И правильно, – тараторила Анна Ивановна, – и нечего было в этот Сиам ехать. Ишь выдумали узкоглазые эти революцию какую-то! Работать не хотят, вот и бузят!

Через десять минут была готова ванна, и воды с лимоном Анна Ивановна принесла прямо туда. Она дело свое знала, не зря много лет у отца проработала. Отец не любил горничных – шныряют, говорил, по дому, подслушивают, потом сплетни разносят. Жила постоянно у них только Анна Ивановна, уборщицы были проходящие.

Проведя некоторое время в ароматной теплой водичке, Людмила ожила, все тревожные и грустные мысли вылетели у нее из головы. И даже встреча с тетей Аглаей отошла на второй план. Она подумает об этом потом, у нее будет время.

После ванны она поела с аппетитом – у Анны Ивановны как раз была рыба, морской язык, запеченный с пряностями под специальным соусом. Постанывая от удовольствия, Людмила съела неприлично большую порцию и к чаю еще большой кусок яблочного пирога и остановилась только тогда, когда заметила мелькнувшее в глазах Анны Ивановны неприкрытое удивление. Она отставила чашку и рассказала Анне кое-что из своих приключений, про жуткую гостиницу, про самолет из Ангарска, про серые макароны и резиновые сосиски, про жидкий чай, пахнувший веником. Разумеется, ни слова не было сказано про встречу с тетей Аглаей и про ее необъяснимый обморок.

– Что с этим делать? – Анна Ивановна брезгливо держала в руках серый свитер. – Выбросить?

– Оставьте на память, – улыбнулась Людмила, – он меня от холода спас.

Пока Анна Ивановна относила свитер в стирку, она успела вытащить из чемодана серебряное зеркало и спрятать в ящик стола. Ящик не запирался, но Анна по столам не шарила, за это ее и держали в семье.

Вечером Людмилу вызвал к себе отец. Он никогда не заходил к ним с Антоном, звякнет по телефону – зайди! – и она бежала, бросив все дела. Но если откровенно, то и дел никаких особенно не было. Перед уходом Людмила достала из ящика стола зеркало и погляделась в него. Несмотря на отсутствие косметики, лицо в зеркале показалось ей ярче, черты не размытые, эта женщина в зеркале явно знала, чего хочет. Вот бы еще ей самой об этом знать, усмехнулась Людмила.

Ее отражение усмехнулось в ответ и проговорило одними губами: «Будь осторожна!»

Господи, неужели она разговаривает сама с собой? Людмила поскорее убрала зеркало подальше.

Отец сидел на диване в своем кабинете с бокалом коньяка. Пил он мало, но после работы позволял себе бокал-другой, чтобы расслабиться.

Услышав ее шаги, он вскинул голову, и Людмила вдруг заметила, как он постарел. Серое лицо, мешки под глазами, щеки обвисли... Никогда раньше она такого не замечала. Отец всегда был тверд как камень, от всей его фигуры веяло грозной силой. Сейчас он мгновенно взял себя в руки, и лицо стало прежним – уверенный взгляд, резко очерченный рот.

– Выбралась? – спросил он без улыбки. – Молодец! Как все прошло?

– Ужасно! – честно ответила Людмила. – Не хочу и вспоминать!

Он похлопал по дивану рядом с собой. Она села, оставив место между ними. Отец никогда не прикасался к ней, даже в детстве, – не целовал, не гладил по голове, не приходил попроситься на ночь. Не было заведено между ними никаких нежностей. Людмила привыкла.

Сейчас отец смотрел выжидающе. Все ясно – требует подробного отчета о поездке. Осторожно подбирая слова, она рассказала про беспорядки в Сиаме, о том, как ей удалось попасть на самолет, который сел в Ангарске. Произнеся это слово, Людмила внимательно посмотрела на отца. Ничего. Не мелькнуло у него в глазах ни тени воспоминания. Конечно, он прекрасно умел держать себя в руках, ни один человек не смог бы прочесть на его лице ничего, если он не хотел. Ни один человек. Но ведь Людмила была его дочерью. Не то чтобы она его так хорошо знала, просто она его чувствовала. И непременно уловила бы сейчас хоть что-то.

Ничего не было. Он забыл, поняла Людмила, он просто забыл, что его жена была родом из Ангарска. Ну что ж, она не станет ему об этом напоминать.

Отец попенял, что она не позвонила из Ангарска, он бы помог хоть с гостиницей, подключил бы свои связи. Людмила потупила глаза и призналась, что забыла зарядку. А потом

посмотрела на него – рассеянно и сонно. Отец хмыкнул и погладил ее по руке. Ого, это большая редкость, стало быть, и правда за нее волновался!

Инцидент был исчерпан, больше отец вопросов не задавал. Людмила сказала, что устала и хочет лечь пораньше. Отец отпустил – иди, конечно.

Уходя, она думала, что впервые у нее есть тайна. Она никому не скажет о встрече с теткой и о зеркале, что та ей отдала. Зеркале, которое, по преданию, принадлежало Лукреции Борджиа и в которое смотрелись много поколений женщин ее семьи. Зеркале, в котором отражалась совсем другая женщина – не похожая на прежнюю слегка сонную и инертную Людмилу. И взгляд у этой женщины был такой, перед которым не устоит ни один мужчина. Колдовской взгляд Лукреции Борджиа.

Утром она спала долго, потом выпила кофе в постели, затем долго плескалась в душе и, рассмотрев себя в большом зеркале, нашла, что выглядит неважно. Лицо бледное, кожа какого-то землистого оттенка, под глазами легкая отечность. Еще бы, такой стресс пережить! И вообще после полетов кожа всегда сухая. Стало быть, нужно идти к косметологу, это ее взбодрит.

Она была очень, ну просто очень важная клиентка, для нее быстро нашли время. Водитель Алексей Петрович уже ждал возле подъезда. Водитель был средних лет, солидный и немногословный, отец сам выбрал его для Людмилы. Он всегда сам выбирал персонал, говорил, что это очень важно, чтобы не было рядом случайных, непроверенных людей, а также мальчишек, которые будут пялиться на Людмилу, вместо того чтобы смотреть на дорогу.

Людмила села в кресло, прикрыла глаза, расслабилась.

Косметолог Танечка запорхала пальцами по ее лицу, застрекотала:

– Людмила Михайловна, это какое счастье, что вы оттуда выбрались в целостности и сохранности! Там такое творится, такое творится! У меня одна клиентка матери путевку на юбилей подарила, так до сих пор с ней связаться не может! Вообще ни слуху ни духу – представляете? Она, мать клиентки, на следующей неделе должна была к Виталику идти на стрижку, вы же знаете, к Виталику за три месяца записываются, а от нее никаких вестей, так что запись пропалет... а я вам сегодня хочу новую маску сделать, называется шелковая, из экстракта шелковичных червей. Я Виолетте Ивановне делала – это просто супер! Кожа прямо как у младенца! А вы знаете, что она с Верещагиным разводится?

– Кто? – полусонно спросила Людмила, чтобы показать интерес к разговору. – Мать твоей клиентки, которая в Сиаме?

– Да ну что вы! – фыркнула Танечка. – Виолетта Ивановна, конечно! Вы не верите? Вот честное слово! Застала его с Лютиковой, и сразу – на развод! Адвоката наняла такого знаменитого, который все время по телевизору выступает. Знаете, такой толстенький, в очках. Он ей сказал, что обдерет Верещагина как липку! Ну и правильно, так ему и надо!

От Танечкиной болтовни Людмилу заклолило в сон. У нее перед глазами поплыли разноцветные пятна и полосы, среди них вдруг мелькнуло лицо Антона – бледное, изможденное, такое было у него перед самой смертью. Антон шевелил губами, как будто хотел ей что-то сказать...

– Людмила Михайловна, – снова донесся до нее голос Танечки, – я вам маску нанесла, теперь полежите спокойно, я через пять минут вернусь...

Дверь комнаты хлопнула, наступила тишина.

Людмила снова начала задремывать, но вдруг дверь снова скрипнула, и раздались легкие шаги.

– Танечка, забыла что-нибудь? – полусонным голосом пробормотала Людмила.

Но вдруг совсем рядом с ней раздался незнакомый, приглушенный голос.

– Мне нужно тебе кое-что рассказать. О смерти Антона...

– Что? – Людмила вздрогнула, не поверила своим ушам, хотела открыть глаза – но они не открывались, склеенные вязкой массой.

– Лежи и слушай! – прикрикнула на нее незнакомка. – Если хочешь узнать, из-за чего он умер, приходи завтра в пять часов в магазин «Фанни», это в торговом центре «Мегаполис» около Пяти углов. Четвертая кабинка...

– Постойте! – забормотала Людмила. – Кто вы? Что вы знаете про Антона? Но он же заболел...

Ей никто не ответил, и каким-то шестым чувством Людмила поняла, что в комнате никого нет, кроме нее.

Тут же дверь снова скрипнула, и раздался жизнерадостный голос Танечки:

– Ну как вы тут? Не соскучились? Сейчас мы смоём масочку, и вы увидите, какие она делает чудеса...

– Таня, – перебила ее Людмила, – кто сейчас сюда заходил?

– Никто, – удивленно ответила Татьяна. – Кто сюда мог зайти? Вы же знаете, у нас с этим очень строго, посторонний человек сюда войти не может, у нас охрана на входе, и вообще... а что случилось?

– Здесь только что кто-то был, – настаивала Людмила, – кто-то вошел, как только ты вышла.

– Что вы, Людмила Михайловна! – В Танином голосе прозвучали обида и неодобрение. – Посторонний человек сюда никак не мог попасть!

– Я не говорю, что это был кто-то посторонний. Я только сказала, что сюда кто-то заходил.

Таня обиженно замолчала. Она сняла маску, нанесла на лицо крем и скромно проговорила:

– Ну, как вам?

Она явно ожидала восторгов.

Людмила посмотрела на себя в зеркало. Лицо действительно посвежело, но после визита таинственной незнакомки она не могла думать ни о чем другом и ответила довольно равнодушно:

– Ну да, хорошо...

– Хорошо? – Таня чуть не плакала. – Да это чудо что за маска! Просто волшебство!

– Волшебство, волшебство... – вяло поддакнула Людмила, встала из кресла, сунула Танечке крупную купюру, чтобы загладить обиду, и поскорее вышла в коридор.

Здесь, вместо того чтобы идти к выходу, она остановилась в раздумье.

Таня права: посторонний человек не может попасть в салон, его не пропустит охранник. Сотрудницу салона Людмила узнала бы. Значит, к ней заходил кто-то из клиенток. И скорее всего, она еще здесь...

В салоне было еще четыре кабинета. Людмила толкнула первую дверь, за ней Вика, тоненькая брюнетка с колечком в носу, колдовала над волосами полной шатенки лет пятидесяти. Хм, а тетя-то почти лысая, оттого и причесывается в отдельном кабинете! Клиентка недовольно покосилась на Людмилу, Людмила извинилась и закрыла дверь.

С этой шатенкой она время от времени встречалась на тусовках, помнила ее неприятный, визгливый голос. Ну надо же, а ведь когда она при полном параде, то и не скажешь, что волос совсем нет... Нет, это не она заходила в Танину комнату...

Следующий кабинет был вообще пуст.

За третьей дверью Лиза, маленькая смешливая толстушка, делала маникюр худенькой старушке, матери известного бизнесмена, владельца сети супермаркетов. Нет, это точно не она...

Осталась последняя дверь.

Людмила приоткрыла ее, заглянула...

В кресле полулежала женщина. Больше ничего про нее нельзя было сказать, потому что лицо этой женщины было покрыто густой зеленоватой маской, волосы убраны в яркую пластиковую шапочку, а поверх одежды красовалась яркая накидка с картой Венеции. Над клиенткой трудилась Лена, крупная рыжая девица с розовой веснушчатой кожей. Лена оглянулась на дверь, узнала Людмилу и спросила:

– Людмила Михайловна, вам чем-то помочь?

– Да нет, спасибо... – пробормотала Людмила. – Я ошиблась дверью...

Прежде чем выйти, она еще раз оглядела клиентку.

Из-под цветной накидки виднелась узкая рука с темно-коричневым маникюром. Значит, она брюнетка...

Людмила закрыла дверь, прислонилась к стене, перевела дыхание.

Она ничего не узнала. Эта ли женщина заходила к ней? Эта ли женщина сказала, что знает что-то о смерти Антона?

Только сейчас Людмила осознала, что смерть мужа и вправду была какой-то странной.

Антон никогда ничем не болел, и когда появились первые признаки недомогания, он был скорее удивлен, чем озабочен. У него начались сухой кашель, озноб, слабость. Пару дней он еще ходил на работу, принимал антигриппин и витамины, но ему становилось все хуже. Тогда Антон вызвал врача, Леопольда Давидовича, который лечил всю семью.

Леопольд приехал, прослушал легкие, озабоченно покачал головой, измерил давление и сказал, что Антона нужно везти в больницу.

– Да что вы, – поморщился Антон. – Это же просто грипп...

– Не знаю. – Леопольд неодобрительно поджал губы. – Не нравится мне этот «просто грипп»! Кашель нехороший, и давление чересчур низкое. Как хотите, нужно в больницу! В домашних условиях я не могу взять на себя ответственность...

Он вызвал транспорт, Антона положили на носилки, потому что сам он не мог идти из-за слабости. Людмила хотела ехать с ним, но тут пришел брат, сказал, что это ни к чему, что он сам съездит в больницу и убедится, что Антона там хорошо устроили. Людмила знала: спорить с ним бесполезно, тем более она совершенно не умела что-либо организовывать, договариваться, не умела вовремя прикрикнуть. Нет, брат, несомненно, принесет больше пользы.

Больше Людмила не видела Антона.

Через час Леопольд позвонил ей и смущенным, растерянным голосом сообщил, что Антон умер.

– Мы делали все, что могли...

Людмила долго не могла понять, что он ей говорит, а когда поняла, то оцепенела, а потом разрыдалась.

– Ведь это был просто грипп... – проговорила она сквозь слезы, – вы же сами сказали... От гриппа не умирают...

– Ну да, ну да. – Леопольд бормотал что-то про непредвиденные осложнения и ослабленный организм.

Людмила долго плакала, до икоты и судорог, она смутно помнит, что приходил отец, потом появился Леопольд Давидович и сделал ей укол. Она тут же заснула, а утром Леопольд выписал успокоительные таблетки, от которых она находилась в полной прострации, ее ничего уже больше не волновало и не трогало. Она и в Сиам согласилась ехать, потому что было все равно.

И вот теперь появляется какая-то незнакомка и говорит, что знает о смерти Антона больше, чем она, его жена... его вдова...

Вернувшись домой, Людмила растерянно бродила по комнатам, хотела выпить кофе, чтобы прояснилось в голове, позвонила уже Анне Ивановне. Но тут же представила, как по квартире разносится кофейный аромат, и ее замутило.

– Мне чаю, и... у нас нет ли варенья покислее?

– Кизиловое есть... – после недоуменного молчания ответила Анна Ивановна, – сейчас принесу...

В ожидании чая Людмила ушла к себе, села за туалетный столик. Машинально выдвинула ящик комода, достала зеркало – то самое, которое она привезла из Ангарска.

Из этого зеркала на нее смотрело незнакомое лицо.

Нет, разумеется, это была она – ее глаза, ее губы, ее волосы, – но в то же время все это было другим, не таким, как в большом трюмо испанского туалетного столика. Глаза были ярче, губы – решительнее, даже волосы лежали как-то свободнее.

– Ну, здравствуй! – сказала она этой новой, незнакомой себе. – И что же это значит?

– Здравствуй, – ответило ей отражение, – это значит, что ты начнешь новую жизнь. И для начала выяснишь, что знает та женщина, которая приходила к тебе в салоне.

Людмила вздрогнула, растерянно тряхнула головой: что с ней происходит? Она сходит с ума? Не хватало только разговаривать с собственным отражением!

Она закрыла глаза, снова открыла их, взглянула в зеркало... да нет, отражение в нем было ее, разве что ярче и выразительнее, чем в обычных зеркалах. Ну да, говорят же, что средневековые венецианские мастера владели секретом какой-то особенной амальгамы, позднее утраченным...

Она еле успела спрятать зеркало в ящик комода, когда в дверь зашла с подносом Анна Ивановна. Кизиловое варенье оказалось и вправду ужасно кислым.

На следующий день Людмила с утра не находила себе места.

К середине дня она поняла, что, если не встретится с вчерашней женщиной, не поговорит с ней, не будет знать ни минуты покоя. Разумеется, все это может быть чистой воды аферой, чтобы выманить у нее какое-то количество денег, но она должна в этом убедиться.

Она долго рыскала по шкафам, стараясь выбрать одежду попроще, чтобы не выделяться в торговом центре. Что бы такое надеть? Джинсы – это обязательно, они почти на всех, буквально униформа современного человека, что мужчины, что женщины, и вот еще курточка – с виду неприметная, никто там не поймет, что она дорогая, известной фирмы.

Около четырех она вышла из квартиры, спустилась вниз.

Вызывать водителя не стала, сама села за руль своего маленького двухместного БМВ, хотя отец всегда был недоволен, когда она сама садилась за руль. Но сейчас ей непременно нужно было одной ехать к Пяти углам.

Людмила давно не водила машину и отвыкла от ужасного городского транспорта, от бесконечных пробок, от хамского поведения водителей. По дороге едва не попала в аварию, с трудом увернулась от огромного черного джипа. Вдобавок долго не могла припарковаться и в итоге едва не опоздала на встречу.

В пять часов она вбежала в фойе торгового центра.

Людмила никогда не ходила в такие магазины, все покупки она делала в маленьких дорогих бутиках, где ее окружала целая толпа вежливых, обходительных, услужливых продавщиц, наперебой предлагающих ей кофе, минеральную воду или зеленый чай.

Здесь все было по-другому.

Вокруг сновали озабоченные люди с покупками, на нее то и дело налетали. Толстая тетка, обвешанная разноцветными пакетами, едва не сбила ее с ног и вдобавок обругала, обзвала вороной.

Кое-как сориентировавшись в этом бедламе, Людмила поднялась на третий этаж и нашла магазин «Фанни».

Здесь творилось что-то и вовсе несусветное: в магазине была дешевая распродажа, и толпы молодых девиц и женщин постарше налетели на дешевизну, как мухи на вишневое варенье. Они металась по магазину с обезумевшими лицами, выхватывали друг у друга юбки, свитера и кофточки. Возле одной из стоек две девицы подрались из-за жуткого сиреневого свитера в дешевых стразах, одна лупила другую сумочкой, соперница истерично визжала.

Людмила, брезгливо оглядываясь по сторонам, протиснулась к примерочным кабинкам. Для конспирации по дороге прихватила несколько вещей – какие-то кофточки, брюки, пиджак...

К каждой из кабинок выстроилась очередь.

Людмила растерянно огляделась.

Как сказала та женщина – четвертая кабинка? Но четвертая слева или справа?

Возле четвертой справа кабинки топталась долговязая девица с жидким хвостиком бесцветных волос. Воспользовавшись ее замешательством, Людмила скользнула за занавеску.

В кабинке какая-то женщина натягивала через голову оранжевый свитер, лица ее не было видно.

– Это вы? – вполголоса проговорила Людмила. – Простите, я немного опоздала...

Женщина влезла в свитер, обернулась, на ее некрасивом плоском лице проступила смесь раздражения и неприязни.

– Чего тебе надо? – заверещала она. – Ты чего – извращенка? А ну проваливай отсюда сей момент, пока я тебе морду не разукрасила и волосы не выдрала!

– Извините! – пробормотала Людмила и спиной выскользнула из кабинки. – Я ошиблась... перепутала вас со своей знакомой...

– Понаехали тут! – неслось ей вслед.

Людмила отступила на прежние позиции, снова оглядела кабинки и увидела, что на каждой из них проставлен маленький номер. Номер четыре стоял на четвертой слева кабинке.

Перед этой кабинкой переминалась с ноги на ногу толстушка с круглыми блекло-голубыми глазами, обвешанная разноцветной грудой одежды.

– Ну сколько можно?! – проговорила она, неприязненно глядя на кабинку. – Ты же тут не одна! Другим тоже примерить хочется! Надо же совесть иметь!

Людмила вспомнила Веру, свою соседку по самолету, и решила держаться по-свойски, так гораздо уместнее.

– Подруга, это случайно не ты мобильник уронила? – обратилась она к толстушке.

– Где? – Толстушка развернулась, хлопая глазами и прижимая к животу одежду.

– Да вон там! – Людмила показала на самый дальний угол и, пока девица неловко разворачивалась, чтобы проследить за ее взглядом, юркнула в кабинку.

Оказавшись внутри, она едва не упала, споткнувшись о сваленную на полу грудку одежды. Свитера, кофты, блузки громоздились разноцветной горкой.

Слишком большой горкой.

Приглядевшись, Людмила увидела высовывающуюся из этой груды женскую ногу в красивой дорогой туфельке.

Эта туфелька явно не сочеталась со всеми дешевыми одежками, с самой обстановкой этого магазина.

– Господи, – пробормотала Людмила, наклоняясь. – Что с вами? Вам плохо?

Она отбросила зеленую блузку искусственного шелка, черный свитер с широким воротником, какую-то нелепую кофту с большими, как блюдца, пуговицами – и увидела растрепанные черные волосы, широко открытые глаза, ярко-красный рот.

– Ты что? – Людмила перешла на шепот. – Что с тобой?

Брюнетка не отвечала – и Людмила наконец поняла, что у живых людей не бывает таких пустых и безразличных глаз.

А еще она увидела прижатую к груди руку. Узкую красивую руку с темно-коричневым маникюром.

Ту самую руку, которую она видела вчера в салоне.

И еще... еще она увидела, что на груди брюнетки, в том самом месте, где она прижимала руку, расплывалось большое темно-красное пятно. Словно приколотая к блузке темная роза.

В голове у Людмилы мелькнула совершенно безумная мысль, что этой брюнетке кровь очень к лицу, она подходит к цвету ее помады, но совсем не подходит к маникюру.

И только потом до нее дошло, что брюнетка, та самая женщина, которая назначила ей встречу в этой кабинке, мертва, что она убита, убита совсем недавно, буквально только что.

Людмила никогда еще так близко не видела смерть.

То есть она, конечно, видела Антона на похоронах, но тогда он был прибран, ухожен, приведен в порядок профессионалами из похоронного бюро, ему придали приличный, внушительный вид, никак не вязавшийся со смертью. Здесь же, сейчас, перед ней смерть была в таком откровенном, непристойном виде, что у Людмилы перехватило дыхание.

Она еще раз оглядела мертвую брюнетку.

Та, несомненно, была красивой – когда была живой. Дорогая и со вкусом подобранная одежда. Рядом лежала открытая сумочка, а чуть в стороне – связка ключей.

– Ну сколько можно! – раздался снаружи плачущий голос толстушки. – Выходи уже!

Людмила машинально подобрала ключи, сунула их в карман, поднялась и вышла из кабинки.

– Заходи! – бросила толстушке и быстро зашагала прочь.

Ей казалось, что все смотрят на нее, что сейчас ее схватят и арестуют. Против воли она оглянулась, хотя понимала, что нельзя этого делать. Никто не бежал за ней, никто не кричал и не визжал. Не глядя вперед, Людмила налетела на продавщицу с ворохом одежды в руках. Та откинула ее быстрым профессиональным взглядом и задержалась на сумке.

Сумка была очень дорогая, и как же она этого не сообразила, когда собиралась. Хотя дешевых сумок у нее просто не имелось. Плохо, очень плохо, продавщица запомнит ее. Людмила обошла девицу и припустила быстрее.

Когда она уже выходила из магазина, позади нее раздался истошный визг. Людмила подумала, что несчастная толстушка не успела примерить обновки.

Она еле доехала до дома. Ее трясло, перед глазами стояла мертвая брюнетка, скорчившаяся на полу примерочной кабины.

«Я тут ни при чем, – бормотала Людмила, выбираясь из машины. – Это не имеет ко мне никакого отношения... я никогда не видела эту женщину...»

– Людмила Михайловна, вам помочь? – рядом с ней раздался голос Виталика, охранника парковки.

Людмила осознала, что стоит возле машины и разговаривает сама с собой.

– Все в порядке, Виталик, спасибо! – сухо проговорила она, захлопнула дверцу машины, включила сигнализацию и направилась к дому, дав себе слово забыть про злополучную брюнетку и заниматься своими собственными делами. Хорошо хоть, сегодня дежурит Виталик, а не противный Сергей.

Однако, придя домой, Людмила против своей воли включила ноутбук и принялась просматривать последние фотографии Антона.

Вот они с мужем на корпоративе... Антон улыбается, разговаривает с известным телеведущим, который вел тот корпоратив. Вот сама Людмила в платье цвета осенней листвы. Не нравилось ей это платье, сразу же не понравилось, а вот зачем-то купила. А когда обнаружила,

что оно ее старит, поздно было менять. Поэтому, наверное, у нее на снимке такой недовольный вид.

И тут на заднем плане она увидела ту самую брюнетку. Ту женщину, мертвое лицо которой все еще стояло у нее перед глазами.

Людмила принялась просматривать остальные фотографии с корпоратива и на нескольких снова увидела злополучную брюнетку. Что интересно – всюду она держалась особняком, не разговаривала ни с кем из сотрудников Антона, смотрела внимательно и настороженно, как будто пришла на этот корпоратив не развлекаться, а делать какое-то важное и опасное дело.

– Кто же ты такая?.. – вслух проговорила Людмила.

Она выключила компьютер, машинально выдвинула ящик, достала оттуда зеркало, словно оно чем-то могло ей помочь.

Из голубоватого овала, словно из морской глубины, на нее смотрели большие зеленые глаза. Губы отражения шевельнулись, и Людмиле послышался шепот:

– Иди в салон...

– Что? – растерянно переспросила Людмила, но отражение теперь вело себя как и положено приличному отражению. Оно послушно повторяло каждый ее жест, каждое движение.

– Ну да, конечно! – пробормотала Людмила, поспешно убирая зеркало на прежнее место. – Как я сразу не догадалась! Ведь эта брюнетка была вчера в салоне красоты, а туда просто так не войдешь. У них должны быть ее координаты...

Она замерла на полуслове. Во-первых, нужно изжить в себе эту привычку – разговаривать вслух, люди подумают, что она не в себе. Во-вторых, не она ли дала себе слово в том ужасном магазине забыть все случившееся как страшный сон и продолжать свою жизнь. Она до сих пор не понимала, как смогла пережить то, что увидела в примерочной кабинке, не сорваться, не заорать, не грохнуться в обморок тут же, рядом с мертвым телом. Раньше она бы так и сделала. Впрочем, раньше она бы ни за что не пошла в торговый центр. Что же с ней случилось? Неужели всему виной зеркало? Зеркало Лукреции Борджиа...

Ладно, оставим пока эти мысли, обратимся к более насущной проблеме. Неизвестная женщина утверждала, что Антон, ее муж, умер не своей смертью. И доказательством этому может служить только ее собственное убийство. Это опасно, очень опасно. Но она, Людмила, должна разобраться в этой истории. Кто была та женщина? Что ее связывало с Антоном? И отчего, наконец, он умер?

Назавтра Людмила встала непривычно рано, собралась и отправилась в салон, чтобы поспеть к открытию.

За стойкой дежурила Жанна. При виде Людмилы она нацепила выражение дежурного восторга и защebetала:

– Людмила Михайловна, вы к нам? А Таня сегодня выходная. Но если вы хотите, я ей позвоню, ради вас она тут же приедет! Или вы пойдете к другому мастеру? Вам что – массажик? Масочку?

– Я подумаю. – Людмила огляделась. – Жанночка, сделай мне пока чаю.

– Обязательно! – От возможности услужить богатой клиентке восторг на Жаннином лице зашкалил. – Вам какой – черный, зеленый, красный?

– Молочный улун, – отчеканила Людмила, быстрым взглядом оценив коробку с чаем и отметив, чего в ней нет.

– Молочный улун? – растерянно переспросила Жанна и снова засияла: – Одну минуту, я сейчас сбегаю к Алле Леонидовне, у нее есть любой чай!

Жанна, цокая каблучками, умчалась в кабинет к хозяйке, а Людмила зашла за стойку, повернула к себе компьютер и нашла в расписании позавчерашний день.

Вот он, этот день... вот то время, когда сама Людмила была в салоне... к счастью, клиентов было немного. Кроме нее самой, на это время была записана Анна Львовна Краевская – мать владельца торговой сети, Марина Ленточкина – та полная шатенка, которую красила Виктория, и еще одна клиентка, записанная к Лене. Звали ее Юлия Борисовна, в графе «контактный телефон» стоял семизначный городской номер.

Людмила схватила со стола фломастер, записала номер у себя на ладони.

В это время в холле появилась торжествующая Жанна с коробочкой чая в руке.

– Вот он, молочный улун! – радостно сообщила она, как будто выиграла главный приз в лотерею.

– Спасибо, – сухо проговорила Людмила, направляясь к двери, – как-нибудь в другой раз.

Выйдя из салона, она достала мобильник и набрала номер.

Ответил ей озабоченный мужской голос.

– Могу я попросить Юлию Борисовну? – прошептала Людмила самым своим чарующим голосом.

Мужчина на мгновение замаялся (что неудивительно, учитывая примерочную кабинку в магазине «Фанни»), но тут же собрался с мыслями и вкрадчиво проговорил:

– Юлии Борисовны здесь нет. Вы хотели посмотреть эту квартиру? Я – ее коллега и могу все вам показать без нее.

Ага, сообразила Людмила, покойница была риелтором и в качестве контактного телефона дала телефон выставленной на продажу квартиры! Ничего не скажешь, умно! Но что же связывало ее с Антоном? Муж вроде бы не планировал покупать недвижимость...

– Ну так как же? – не сдавался ее собеседник. – Вы подъедете? У меня следующий показ назначен через два часа, так что вы вполне успеете все осмотреть...

– Ну ладно, – решила Людмила. – Только извините, я забыла адрес этой квартиры... вы же понимаете, я рассматриваю несколько вариантов...

– Нет проблем. – Коллега покойной брюнетки продиктовал ей адрес. Адрес был хороший – Потемкинская улица, совсем рядом с Таврическим садом.

Через полчаса Людмила вышла из машины и подошла к подъезду, по сторонам которого стояли мускулистые мужеподобные кариатиды. Нажала кнопку домофона, поднялась на третий этаж.

Лестница была внушительная, широкие мраморные ступени, красный ковер, прижатый медными стержнями, медные же, начищенные до блеска перила.

Риелтор ждал ее в дверях квартиры.

Тут с ним случилось то, что обычно случалось с любым нормальным мужчиной при виде Людмилы: у него отвисла челюсть, глаза вылезли на лоб, а все заготовленные слова застряли в глотке как рыба кость.

Людмила давно привыкла к тому, как действует на мужчин ее внешность, и не испытывала от этого никакого удовольствия, скорее неловкость и раздражение. Но сейчас, пожалуй, такая реакция была ей на руку – авось удастся выяснить что-нибудь про Юлию Борисовну.

Надо отдать ему должное, риелтор быстро взял себя в руки и вернулся к своим профессиональным обязанностям. Он закрыл рот, сглотнул и вполне членораздельно проговорил:

– Меня зовут Олег Владимирович... если не возражаете, я покажу вам квартиру...

– Анна Львовна, – представилась Людмила под влиянием внезапного порыва. – А почему же все-таки нет Юлии Борисовны? Мы с ней договаривались на сегодня!

Олег Владимирович растерянно заморгал, опустил глаза и проговорил, как будто выдавая страшную тайну:

– Сам не знаю... она сегодня не появилась в агентстве и даже не отзвонилась. Поскольку на сегодня было запланировано несколько показов, меня попросили подменить ее.

Он тут же оживился и с дежурным энтузиазмом заговорил:

– Вы понимаете, Анна Львовна, что эта квартира – объект премиум-класса, уникальное расположение, дом конца девятнадцатого века, из всех окон виден Таврический сад, в гостиной – действующий камин, восстановленная лепнина... такие квартиры, извините за юмор, на улице не валяются. Мы с вами находимся в холле. Паркет ручной работы, из ценных пород дерева, лепной потолок... эта дверь ведет в гостиную...

Он расхваливал квартиру, а Людмила мучительно думала, как бы ей вывести хоть что-то о загадочной брюнетке.

Они вошли в просторную гостиную. Паркет и правда был очень красивый – разноцветное дерево складывалось в цветочные букеты. Посреди комнаты, на маленьком круглом столике, стоял открытый ноутбук – рабочий инструмент риелтора.

– Вот, вы видите камин. Камин, как я уже говорил, действующий, отделка – натуральный итальянский мрамор...

В это время на каминной доске зазвонил телефон.

Риелтор схватил трубку, взглянул на дисплей, посерьезнел и повернулся к Людмиле:

– Вы извините, я отвечу...

Людмила милостиво кивнула. Мужчина поднес трубку к уху и проговорил:

– Да, Аркадий Семенович... я буду рад показать вам квартиру, если вам удобно, в шестнадцать часов... нет, Юлии Борисовны сегодня не будет... ну что же, извините...

Нажав отбой, он не положил трубку, а набрал на ней какой-то номер, снова извинился перед Людмилой и вышел в коридор. Оттуда донесся его приглушенный голос:

– Юлия, где ты пропадаешь? Я тут оправдываюсь перед твоими клиентами... хотя бы перезвони, когда сможешь!

Он вернулся в гостиную, еще раз извинился, поставил телефон на базу и проговорил:

– Ну, если вы не возражаете, продолжим осмотр...

Следующим номером программы была ванная комната. Она напоминала античный храм. Черная с золотом плитка показалась Людмиле чересчур мрачной, огромная ванна на бронзовых львиных лапах – слишком пафосной. Впрочем, она ведь не собиралась покупать эту квартиру!

Чтобы показать заинтересованность, Людмила спросила о системе разводки воды и наличии фильтров. Она понятия не имела, что значат эти слова, но вдруг они всплыли из памяти. Олег Владимирович взглянул на нее с уважением, открыл хитро замаскированную дверцу и продемонстрировал сложную систему кранов и переключателей.

– Здесь установлены швейцарские фильтры тройной очистки, – с важным видом сообщил риелтор. – Первичная очистка – от механического загрязнения, второй уровень – мелкодисперсные фильтры для химической очистки и третий – ионообменные смолы...

– Ой, это все для меня слишком сложно! – пожаловалась Людмила. – Я вас очень прошу, зарисуйте эту схему на бумажке, я покажу своему мастеру. Вы знаете, у меня такой умный мастер! Я без него ничего не делаю...

Услышав такую странную просьбу, Олег Владимирович открыл рот и хотел было возразить, но увидел огромные зеленые глаза Людмилы – и снова лишился дара речи, только и смог выдохнуть:

– Хорошо... – И послушно достал из кармана блокнот и ручку.

– Ну а я пока схожу по квартире, посмотрю...

С этими словами Людмила выпорхнула из ванной комнаты и прямым ходом устремилась в гостиную.

Ее интересовал телефон, по которому риелтор только что звонил.

Схватив его, Людмила нажала кнопку повтора и записала высветившийся на дисплее номер.

Теперь у нее был номер покойной Юлии Борисовны. Оставалось по нему определить ее адрес.

Тут как раз в гостиной появился Олег Владимирович. Он протянул Людмиле листок с корявым рисунком и гордо сообщил, что скопировал схему разводки.

– А теперь мы с вами осмотрим кухню!

Кухня была просторная, отделанная темным деревом с медными вставками.

– Здесь установлена самая современная итальянская кофемашина! – с гордостью сообщил риелтор. – Не хотите ли чашечку кофе?

– С удовольствием! – согласилась Людмила. – Пожалуй, выпью чашку капучино.

Олег Владимирович включил кофемашину, засыпал кофейные зерна и поставил на поддон две чашки тонкого фарфора.

– Интересная у вас работа! – заговорила Людмила. – Много общаетесь с людьми...

– Да, вы правы! – оживился риелтор. – Работа действительно очень интересная! Иногда бывают такие встречи... помню, как-то я показывал квартиру очень известному артисту – знаете, тому, который играл Пышкина в сериале «Кретин»...

– Что вы говорите! – Людмила изобразила восторг. – Ну и как он?

– Удивительно приятный человек! Никогда бы не подумал, что знаменитый артист...

Олег Владимирович расхрабрился и вроде бы случайно подвинул свой стул ближе к Людмилиному. Людмила улыбнулась ему приветливо и продолжила светскую беседу:

– А вот еще я слышала, что у вас есть такая база данных, по которой можно узнать адрес любого человека по фамилии или номеру телефона...

– Само собой! – Олег Владимирович поставил перед Людмилой чашку. – Нет ничего проще! – Он открыл свой ноутбук, защелкал по клавишам. – Вот, к примеру, берем фамилию Иванова. Людей с такой фамилией в нашем городе тысячи, но если мы сузим круг поиска и поищем женщину с редким именем Амалия Ивановна...

Он набрал в поисковой строке имя и отчество вымышленной женщины и радостно сообщил, что в нашем городе живут аж три Амалии Ивановны Ивановы.

– А по номеру телефона?

– Еще проще! Набираем номер в поисковой строке...

Он не успел закончить свою презентацию, потому что в квартиру позвонили.

Олег Владимирович взглянул на часы и ахнул:

– Это пришли следующие клиенты!

– Ну что ж, идите, встречайте их, – милостиво проговорила Людмила, – обо мне не беспокойтесь, я допью свой кофе и пойду. Позднее я позвоню вам и сообщу о своем решении.

Риелтор вылетел в коридор, а Людмила повернула к себе ноутбук.

Она набрала в поисковой строке номер телефона Юлии Борисовны, и через несколько секунд на экране возник адрес покойной брюнетки.

Она быстро записала его, встала, вышла в коридор.

Олег Владимирович разливался соловьем перед новыми покупателями – парой средних лет с одинаковыми надутыми лицами.

Людмила вполголоса простилась с риелтором и выскользнула из квартиры.

Она сама не знала, для чего выясняла адрес убитой брюнетки. Неужели она всерьез собирается пойти к ней в квартиру?

– Да, – сказала себе Людмила, – я это сделаю. Я должна выяснить, что же случилось с моим мужем.

Опять эта ужасная привычка разговаривать вслух!

Дом Юлии Борисовны стоял в парке неподалеку от Удельной. Это была красивая кирпичная башня недавней постройки, с большими застекленными лоджиями. На всех открытых бал-

конах красовались ящики с поздними полуувядшими цветами, возле дома на клумбах и цветниках доцветали астры и растрепанные хризантемы. Таджик-дворник лениво поливал клумбу из оранжевого шланга. Людмила подошла к подъезду, достала связку ключей. Дворник покоился на нее, не прерывая своего увлекательного занятия.

«Господи, что я делаю! – подумала Людмила, перебирая ключи. – Как воровка, пробираюсь в чужой дом... что, если меня там застанут? Как я буду оправдываться?»

Дворник перекрыл воду и шагнул в ее сторону. Людмила прекратила колебаться, прикоснулась таблеткой электронного ключа к кружочку замка, открыла дверь и вошла в подъезд. Закрыв дверь, прижалась к ней спиной.

Сердце бешено колотилось.

«Еще не поздно остановиться, – подумала она, сглатывая слюну. – Еще не поздно уйти, вернуться домой и забыть все это как кошмарный сон...»

Замок подъезда щелкнул, дверь начала открываться. Людмила шарахнулась от нее, подошла к лифту, нажала кнопку. В подъезд вошел мужчина средних лет в черном пальто и старомодной фетровой шляпе. Увидев Людмилу, подслеповато заморгал и поздоровался. Вместе они вошли в кабину лифта. Людмила трясущейся рукой нажала кнопку шестого этажа. Она мечтала только об одном – чтобы этот мужчина поднимался на другой этаж...

Ее мечта осуществилась – он вышел на четвертом.

Людмила перевела дыхание.

Лифт донес ее до шестого этажа, двери плавно разошлись. На площадке располагались четыре квартиры.

Она подошла к двери с номером двадцать четыре, на секунду замешкалась.

Что, если в квартире кто-то есть?

Какой-то внутренний голос подсказывал ей, что Юлия Борисовна жила одна, но чем черт не шутит...

Она нажала кнопку звонка, на всякий случай придумывая правдоподобное объяснение своего визита, но в голову, как назло, ничего не приходило. В голове вообще была гулкая пустота.

К счастью, объяснение не понадобилось, в квартире никого не было.

Тогда Людмила решила, снова достала связку ключей.

В связке, кроме плоской таблетки от электронного замка входной двери, было еще три ключа – два маленьких плоских и один длинный круглый стержень с косыми насечками. Этим ключом она открыла единственный подходящий замок с круглой скважиной, затем попыталась вставить в плоскую скважину один из двух маленьких ключей. Первый ключ не подошел, она вставила второй.

Ей казалось, что из-за остальных дверей за ней следят, что сейчас все эти двери распахнутся, да пусть хоть одна из них, и строгий голос осведомится: «А что это вы тут делаете?»

Наконец замок щелкнул, дверь мягко, послушно открылась.

Людмила проскользнула внутрь квартиры, захлопнула за собой дверь, перевела дыхание.

Она была в просторной прихожей, стены которой были выкрашены в бледно-зеленый цвет. Тут и там висели гравюры в изящных рамках – женщины в длинных платьях с кринолинами, мужчины во фраках и цилиндрах...

В воздухе витал странный запах – запах сухой пыли, увядающих цветов и еще чего-то неуловимо знакомого...

В квартире, безусловно, никого не было, в ней царил та особенная тишина, которая бывает только в пустом, безлюдном жилище – не льется из крана вода, не скрипит паркет под чьими-то легкими шагами, не шумит на кухне закипающий чайник.

Оглядев прихожую, Людмила прошла дальше и оказалась в гостиной. Здесь царил порядок – ни разбросанных книг, ни кое-как повешенной на спинку стула одежды. Вообще ничего

лишнего. Два невысоких комода черного дерева, светлый диван, несколько стульев. На стене напротив двери висела картина маслом в деревянной раме – натюрморт: букет полевых цветов в глиняном кувшине. И, словно переключаясь с этим натюрмортом, посреди круглого стола в вазе синего стекла стоял букет полуувядших роз. Именно он, этот букет, наполнил квартиру встретившим Людмилу печальным запахом увядания.

Но одновременно с ним здесь витал какой-то другой, удивительно знакомый запах, который отчего-то беспокоил Людмилу.

Она обошла гостиную, внимательно осмотрела ее.

Обстановка комнаты ничего не говорила ей о хозяйке квартиры – пожалуй, только то, что эта женщина была аккуратна...

Из этой картины выбивалась лишь одна деталь.

Обойдя гостиную и оказавшись напротив двери, Людмила заметила на полу под комодом книгу. Вернувшись, она подняла ее. Это был модный роман, она сама начала его читать примерно месяц назад, но заскучала на двадцатой странице и бросила. Людмила на всякий случай перелистала книгу – вдруг между страницами завалилась какая-нибудь записка, хоть что-то важное...

Никакой записки она не нашла, но заметила загнутый уголок страницы.

Двадцатой страницы.

Она сама точно так же загибает уголки страниц, когда откладывает их, рассчитывая дочитать позднее. И у той книги она загнула уголок именно двадцатой страницы. Точно так же загнула...

Да нет, бред какой-то! Многие люди загибают страницы книг, вместо того чтобы пользоваться закладкой. И нет ничего удивительного, что Юлия читала ту же книгу, что она, и отложила ее на том же самом месте.

Да, бред. Но тот запах, который преследовал Людмилу в этой квартире, усилился, когда она взяла в руки книгу.

Людмила положила книгу на комод, вышла из гостиной, толкнула следующую дверь.

Это была ванная комната.

Довольно просторная, хорошо оборудованная. Большая розовая ванна, душевая кабинка. На полочке возле раковины – приличная французская косметика, баночки крема, бутылочки и флакончики.

А вот это интересно...

Отдельно, чуть в стороне, стояло несколько баночек и флаконов, которыми пользуются мужчины – крем для бритья, лосьон, одеколон... значит, Юлия не одна жила в этой квартире...

И тут Людмила наконец понял, что за запах преследовал ее в этом жилище.

Одеколон. Дорогой швейцарский одеколон «Горная лаванда». Точно таким же одеколоном пользовался Антон.

Спокойно, сама себе сказала Людмила, спокойно! Антон – не единственный мужчина, который пользуется... то есть пользовался этим одеколоном. Вполне может быть, что любовник Юлии предпочитал эту же марку...

Ну да, возразил ей противный и занудный внутренний голос, ну да, допустим, ее любовник пользовался таким же одеколоном, как Антон, – но ведь Юлия пришла к тебе, чтобы сказать, что знает что-то о смерти самого Антона... это как – простое совпадение?

– Совпадение! – на этот раз Людмила произнесла это слово вслух, и собственный голос, прозвучавший в пустой квартире, испугал ее.

– Совпадение... – повторила она тихо и неуверенно и, выйдя из ванной, вошла в следующую дверь.

Это была спальня.

Стены выкрашены в нежно-голубой цвет, широкая кровать застелена серебристо-серым шелковым покрывалом. Над кроватью – картина: цветущий куст сирени.

Возле стены – белый зеркальный шкаф, напротив – такой же комод.

И тут тоже едва уловимо пахло горной лавандой.

Людмила выдвинула верхний ящик комода.

Обычные женские мелочи, дорогое красивое белье, чулки и колготки.

Рыться во всем этом Людмиле было неприятно, она задвинула ящик, выдвинула следующий...

И тут ей на глаза попало кое-что, отчего земля едва не ушла у нее из-под ног. Ей даже пришлось ухватиться обеими руками за комод, чтобы устоять на ногах.

В ящике, поверх какой-то дамской ерунды, лежал галстук.

Синий итальянский шелковый галстук с темно-красным и золотым рисунком. Галстук ручной работы.

Этот галстук она сама в прошлом году купила Антону в маленькой, очень дорогой лавочке рядом с площадью Святого Марка в Венеции. Они тогда долго гуляли вдоль канала, дул пронизывающий ветер поздней осени, Людмила куталась в короткую шубку. Потом они зашли в ресторанчик, где им подали горячее вино и свинину с сыром, а после заглянули в эту лавочку. Хозяин – высокий, с густыми бровями и мощным лысым черепом, с гордостью говорил о том, что эту лавку унаследовал от своего деда, а тот – от своего, и так до пятнадцатого века. Она сама выбрала этот галстук для Антона, и хозяин заверил, что другого такого галстука нет и не будет ни у кого на свете...

И вот теперь этот галстук она нашла в комодке мертвой женщины.

Уж это никак не спишешь на совпадение!

Людмила несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы справиться с головокружением. Она спрятала галстук в свою сумку и хотела продолжить поиски. Людмила по-прежнему не знала, что ищет, но не сомневалась, что ее ждут еще сюрпризы.

Но в этот самый миг ее слух уловил доносящиеся из прихожей звуки.

Эти звуки ни с чем нельзя было спутать.

Кто-то открывал входную дверь квартиры.

Людмила схватилась за лицо, заметалась по комнате. Хотела выскочить в коридор, но поняла, что это – худшее, что она могла сделать. Входная дверь уже открылась, и незнакомец, кто бы он ни был, вошел в квартиру.

Осталась последняя надежда.

Она отодвинула зеркальную дверцу стенного шкафа и юркнула туда. Застыв между платьями и костюмами Юлии, скромно висящими на плечиках, она торопливо задвинула дверцу.

В коридоре раздались шаги.

Шаги были мужские, и на какой-то безумный миг Людмила вообразила, что это шаги Антона: ведь он, несомненно, бывал в этой квартире, не просто бывал – он оставил здесь свой крем для бритья, свой галстук, вся квартира пропиталась запахом его одеколona...

Но в следующее мгновение она вспомнила его бледное, безжизненное лицо, санитаров с носилками и виноватый голос Леопольда Давидовича: «Мы сделали все, что могли...»

Нет, это может быть кто угодно, только не Антон.

Она вслушалась в шаги незнакомца и поняла, что он ходит по этой квартире не как человек, который живет в ней и чувствует себя комфортно, уверенно. Он шел медленно, осторожно, рассчитывая каждый шаг, как на минном поле. Этот человек проник сюда так же, как она, – не имея на это права. Но, в отличие от нее, он далеко не первый раз проделывал что-то подобное, знал, как поступать в случае опасности, и был уверен в своих силах. Короче говоря, это был опасный человек.

Шаги затихли – должно быть, как и Людмила, он начал осмотр с гостиной.

Людмила решила, что сейчас – единственный шанс выбраться из квартиры, единственный шанс спастись бегством. Пока незнакомец осматривает гостиную, нужно выскочить из укрытия, пробежать несколько шагов по коридору, открыть дверь и выбежать на лестничную площадку. Дальше – лифт, подъезд и свобода...

Она вылезла из шкафа, не дыша, подкралась к двери спальни...

И снова услышала шаги в коридоре.

Они приближались.

Значит, незнакомец не задержался в гостиной и направляется сюда, в спальню...

В диком ужасе Людмила бросилась обратно, в шкаф, задвинула дверцу и замерла, пытаясь отдышаться и унять сердцебиение.

Дверь спальни скрипнула, открываясь... и только теперь девушка заметила, что неплотно закрыла за собой дверцу шкафа, осталась щель, через которую пробивался свет и откуда она могла видеть узкую полоску комнаты.

Вот сквозь эту щелку она увидела плечо в черном плаще, загорелую шею, щеку с трехдневной щетиной... незнакомец прошел мимо шкафа, подошел к комоду, выдвинул ящик, как она сама несколько минут назад... неужели прошло всего несколько минут?

Неожиданно Людмила вспомнила детство.

Она жила на даче и с соседскими детьми играла в прятки.

Маленькая Люда, как и сейчас, забралась в платяной шкаф. Соседский мальчик Леша громко считал:

– ...Восемь, девять, десять... я иду искать!

Он ходил по комнате, заглядывал за шторы, в сундуки и с каждым шагом приближался к Людиному укрытию.

И с каждой секундой в ее душе рос непонятный, необъяснимый страх.

Чего она тогда боялась? Трудно сказать, этот страх выполз из каких-то темных глубин подсознания.

Вот сейчас... сейчас у ее страха была вполне реальная причина. Если этот незнакомец найдет ее в шкафу – что он с ней сделает?

Ясно, что ничего хорошего.

Мужчина тем временем с шумом задвинул верхний ящик комода, выдвинул следующий, стал перерывать его содержимое.

Людмила порадовалась, что спрятала галстук Антона: ей не хотелось, чтобы этот человек трогал его своими руками...

Тут же она удивилась, что способна радоваться, причем радоваться по такому, в общем, пустячному поводу.

А он задвинул второй ящик и уже рылся в третьем...

Девушка понимала, что неизбежный миг приближается: закончив с комодом, незнакомец перейдет к шкафу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.